

Решала

Автор:

Владимир Поселягин

Решала

Владимир Геннадьевич Поселягин

Боевая фантастика (АСТ)

Терентий Грек, по прозвищу Решала, попаданец с Земли в магический мир, прожил замечательные годы в мире Альнос, после чего вернулся на Землю, имея за спиной немалый опыт жизни и путешествий. Итак, 1946 год, май, станица в донских степях и восстанавливающаяся после страшной войны страна. Задач нет, планов тоже особо нет, разве что просто жить, с интересом изучая мир вокруг. А планы на будущее непременно появятся, стоит только подрасти.

Владимир Геннадьевич Поселягин

Решала

© Владимир Поселягин, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Я проснулся оттого, что судно содрогнулось, и это явно не было очередной волной. Похоже, мы налетели на скалу или на участок суши. Я знал, что снаружи

продолжается шторм, он бушевал и вчера вечером, когда я ложился спать, и наш трёхмачтовый парусник несло по воле ветра и волн. Маг, находившийся на судне в составе команды, лишь купировал особо острые моменты, но силы и заряды артефактов не тратил. А что, раз несёт в нужную сторону, зачем мешать шторму? Ещё и за скорость доставки груза и пассажиров можно сверху взять.

Я сел на кровати с балдахином в своей роскошной каюте и «осмотрелся» магическим зрением. М-да, как видел на три метра, не дальше, так ничего и не изменилось. Но стало понятно, что в матросском кубрике, который находился как раз под моей каютой, было пусто.

Тут последовал новый удар (это уже волна, отметил я), и судно так содрогнулось, что меня снесло с кровати, и я по наклонившемуся полу кубарем полетел в угол, а следом за мной ночной горшок и тазик для умывания. Кувыркнувшись через голову, я упёрся ногами в стену и притормозил падение. Обошлось без травм, ну, если не считать шишки на затылке от ночного горшка; тазик, к счастью, пролетел мимо.

Быстро вскочив, я убрал свои вещи и саквояж в Хранилище и подбежал к двери. Понял, что её заклинило, попытался выбить – не получилось. Выругавшись, я убрал дверь в Хранилище, открыв проём, после чего выкинул кусок стены с дверью в центр своей каюты. Потом выскочил из каюты и в одних подштанниках побежал к лестнице.

Оказалось, не я один тут носился. На верхней палубе толпились слуги пассажиров из дворян, а также шестеро пассажиров. Сам я находился на судне под видом богатого торговца.

При вспышке молнии я осмотрелся. Прекрасно, нас бросили. Хм, а ведь я думал об этом. Хозяин судна был весь в долгах, и этот рейс – последний его шанс. Причём доставка товара вряд ли могла его спасти, скорее продлила бы агонию, а вот страховка за судно... Да, он мог решиться на такое. А я торопился: ищейки шли по моему следу, это судно было ближайшим, вот я и рискнул.

Хм, около тридцати лет проработав сыщиком в нескольких страховых агентствах, я сразу скажу: без шансов, его ещё и к казни приговорят за то, что пассажиров сгубил. Сверкали молнии, давая возможность осмотреться. Шлюпок не было, ни на таях, ни на воде вокруг. И я мог с уверенностью сказать, что

команда покинула судно ещё до того, как оно налетело на скалы. Его намеренно направили сюда, на гряды подводных рифов.

Среди пассажиров нашёлся человек, дворянин, взявший ситуацию в свои руки. Под его руководством мы начали быстро строить плот, разбирая часть палубы. Я также участвовал в строительстве, хотя у меня в Хранилище были средства для спасения. После семи лет робинзонады на безлюдном острове стелешь соломку: мало ли снова что случится? А были у меня большой двухмачтовый баркас, большая шлюпка с парусом и вёсельный ялик. К слову, это пятое кораблекрушение с моим участием, но четыре других были действительно случайными, а не спланированными, вот как сейчас.

В воду не прыгнешь, о скалы разобьёт, при вспышках молний хорошо были видны буруны вокруг. Судно до конца шторма не доживёт, его в щепки разобьёт, и это все понимали. Но если мы сделаем прочный плот, да два мага дополнительно его укрепят, есть шанс выжить. И мы старались, ради детей и женщин, которые прятались внизу.

Думаю, они всё же выжили. Точно я этого не узнал, так как меня с ещё несколькими бедолагами накрыло крупной волной и просто смыло за борт. Конечно, мы привязывались верёвками, но как раз в тот момент я с ещё парой парней поднимал снизу бочонки, чтобы закрепить их на плоту, что должно было усилить его плавучесть. Поэтому мы оказались на палубе без страховок, и вот результат.

Я с трудом вынырнул. Чудом меня пронесло мимо одних скал, от вторых я оттолкнулся телекинезом, иначе непременно разбился бы. У меня едва хватило сил достать из Хранилища ялик и забраться в него. Но только я сел на корму и взялся за весло, последовал удар, треск – ялик разбился об очередные рифы и перевернулся. Меня выбросило на скалы и в бурлящей воде потащило по острым камням, ломая кости рук и ног. Досталось и голове, но сознание я не потерял, хотя воды наглotalся изрядно.

В итоге меня сбросило на чистую воду, и я достал шлюпку. Но забраться в неё не смог: руки скользили по бортам. Очередная волна подкинула шлюпку, обрушила её на меня, и я с пробитой головой пошёл ко дну. Это всё, что я запомнил. Прощай, Гай Сезар Диз, принц королевства Лукония, он же попаданец с Земли Терентий Грек.

* * *

Я сидел на травяной кочке на берегу быстрой реки и, положив подбородок на руки, опирающиеся на рукоятку костыля, размышлял.

Знаете, меня уже можно назвать опытным попаданцем в разные миры. Умер я на Земле. Утонул на Чёрном море, в Туапсе, в возрасте шестидесяти девяти лет: ногу свело, когда до берега каких-то триста метров оставалось. Мы квартиру как раз купили, и я уже месяц как там жил. Полюбил купаться ранним утром, когда берег ещё безлюдный, вот и некому было спасти.

А вообще, настораживает. И я сейчас не о том, что попал в новое тело и прожил там чуть больше двухсот лет, это ладно. А настораживает то, что и в этот раз моя гибель связана с морем. Ну, пусть океан, но я снова утонул, это факт. Какая-то нехорошая тенденция. Ладно, не об этом сейчас. Думаю, стоит описать мою жизнь. Не думаю, что получится кратко, но я постараюсь. Эта жизнь у меня уже третья, а попадание – второе.

Значит так. Родители, уж не знаю почему, назвали меня Терентием. Отец был родом из Крыма, полугрек, и род у нас большой, но кроме меня таким именем никого не оскорбляли. Впрочем, своими родителями, да и именем, я был доволен. Жил в Казани, детсад, школа. Потом переехали в Горький: отца перевели, он по партийной линии шёл. Там я закончил школу. Потом армия, попал в автобат, в Германии служил.

Я был разочарованием родителей, потому как увлёкся техникой, и никакие вузы меня не привлекали, а после армии я пошёл в автослесари. К счастью, пусть я и старший сын, но у меня были ещё два брата и сестра, и вот они-то родителей не подвели, вышли в люди. Один брат, как и отец, пошёл по партийной линии, второй в армии устроился (не замполит – честный офицер, ракетчик), а сестра врачом стала.

К двадцати пяти годам у меня была своя двухкомнатная квартира в Москве и машина «Волга», и это в советское время. Впрочем, братьев и сестру я тоже машинами обеспечил.

Почему я женился сразу после армии, до сих пор понять не могу. Как зомбирование от родителей: мол, два месяца погулять после армии, а после обязательно надо жениться, потомство оставить. А девкам, в свою очередь, говорили, что станут перестарками, старыми девами, вот и торопились они побыстрее выскочить замуж.

Впрочем, своей женой я был доволен. Она в паспортном столе работала, капитаном вышла на пенсию. Двое детей у нас было, пацаны. Вот так и жили. На пенсию я вышел, уже когда Союз рухнул. Организовал сеть автосервисов, которую потом младшему сыну передал. Старший в милиции работал, в СОБРе, и к тому времени погиб, оставив вдову с маленькой дочкой. Что любопытно, Афган без царапинки прошёл, а как командировка в Чечню – на второй день и погиб.

Это то, что на виду, а на самом деле я был в криминале: перебивал номера, делал фальшивые документы. Большая часть авто, что во время Союза, что после, уходила на Кавказ, это и позволило мне неплохо поднакопить и открыть сервисы после того, как Союз рухнул. Деньги были, причём в валюте. Ещё я подрабатывал в качестве автоэксперта при покупке авто, искал работу других спецов, что номера перебивали, но это больше хобби.

Жил я в Подмосковье, там у меня был особняк на берегу озера, окружённого соснами. Часто путешествовал. На Чёрное море меня затащила жена. Я хотел на Азовское, но раз внучка квартиру купила, почему не пожить, пока пустая? На момент моей гибели супруга жива была, спала в квартире. Да что это, и родители мои на тот момент были живы. Так в Нижнем Новгороде и живут. Долгожители мы.

В общем, захлебнувшись, я утонул, а очнулся в теле Гая Сезара Диза, не наследного принца правителя королевства. Это я узнал позднее, а сначала меня посчитали скорбным на голову. А что, очнулся, ничего не понимаю, языка не знаю. Учителям пришлось с нуля меня обучать. Это уже потом я разобрался, что попал в тело семилетнего парнишки. Кто-то толкнул его с крепостной стены, и он разбился о брусчатку во внутреннем дворе.

Магия творит чудеса. Переломы, да и все повреждения, убрали за пару дней, но вот голова – да, слабое место. Когда те, кто видел падение, подбежали, принц был уже мёртв – двадцать метров летел. Хватило времени, чтобы одна душа заменила вторую, и в теле уже был я.

Свою родную память я не потерял, поэтому хитрил, обучался. Там, в общем, вот какое дело. Семья правителя – маги. Вообще, в королевстве не маг не может быть наследником – законы такие. Поэтому для семьи иметь в родне не мага – позор страшный. А у Гая не было магических выбросов, а ведь в семь лет они как раз должны начинаться. В принципе, и до двенадцати лет могло не быть, бывает такое позднее зажигание. Но маги двора уверенно заявляли, что Гай не маг.

Скорее всего, Гая столкнул кто-то из братьев. В семье было четыре сына, и я попал в младшего. Я не в претензии, ведь мне открылся новый, удивительный и увлекательный мир.

То, что Гай, да и я, не маги, это факт. Мы были пси-онами. Да, в этом мире два вида магов: обычные и пси-оны. Однако псионов было такое мизерное количество, что и говорить не о чем. Если магов рождалось где-то трое на тысячу душ населения, то псионов – один на сто тысяч. И ещё не факт, что его выявят: там нужны другие ритуалы. Таким образом, неинициированный псион мог жить до старости, будучи уверенным, что не имеет Дара.

Гая проверяли и на псионику, но ничего не выявили, рано было. Меня же проверить и не думали, ждали, когда исполнится двенадцать лет. А дальше я или войду в семью, или погонят. А скорее всего, придавили бы где-нибудь тихонько позор рода Диз. Тараканы в головах семейства просто гигантские: не психи, но близко.

Я бы сбежал, прихватив что-нибудь ценное (мне это семейство ни в одно место не впилось), но меня учили, и очень неплохо, ведь я принц и должен соответствовать. К тому же на второй год жизни во дворце я случайно нашёл тайную библиотеку основателя рода Диз, первого короля, к слову, тоже псиона. Это произошло, когда меня отловили два старших брата и, отлупив, заперли в кладовке. Слуги при этом делали вид, что ничего не замечают.

В кладовке меня оставили на всю ночь. А именно там и оказался запасной вход в библиотеку. Вход по крови, а так как я прямой потомок, дверь мне и открылась. Повезло, что я о канделябр поцарапался, когда пытался зажечь свечу.

С тех пор я и пропал. Всё своё свободное время я проводил в библиотеке, благо мной особо не интересовались. Главное, что учусь, приёмы пищи не пропускаю, а на что я трачу остальное время, никого не волновало.

По сути, я был отрезанным ломтём, и мне довольно ясно это демонстрировали. Братья, они... да недалёкими были. Наслушались отца и его советников и, как могли, показывали своё недовольство наличием в семье такого калеки, как я. Но, в отличие от короля, унижавшего меня морально своим презрением, братья действовали кулаками и тумаками, хотя старались обходиться без свидетелей.

В библиотеке я раскопал информацию о том, как проводится принудительная инициация псиона, и решил проверить на себе. Делать это лучше, погрузившись в воду: она половину работы делает. И вот по ночам я нырял в бочку с дождевой водой – пробовал. Три попытки – и ничего.

Но я ведь упорный. И вот, после того как тихо отметили моё восьмилетие, у меня, наконец, получилось и я прошёл инициацию. Вода погасила всплеск энергии, охранные амулеты на стенах остались не потревоженными, и для жителей королевского двора моя инициация прошла незаметно. В библиотеке я нашёл сундук с амулетами и надел один из них, позволявший скрыть мою новую ауру.

Королевская семья гордилась тем, что основатель их рода мог создавать безразмерные Хранилища в аурах псионов и магов. Маги до сих пор не научились такому, а секрет был утерян со смертью главы рода, который один мог их открывать. И позже, когда постепенно вымерли все, кому он установил Хранилища, не осталось никаких следов этого искусства.

Эту тайную библиотеку искали все, но отыскать не смогли: она была хорошо экранирована даже от магического поиска. А вот мне это удалось, хотя немалую роль в этом сыграло моё везение. Пользуясь открывшимися мне возможностями, я продолжал учиться. Ещё год осваивал самые азы псионики, телекинез, иллюзии и остальное. Нашёл и записи главы рода по Хранилищу. Долго разбирал его рукописные каракули на древнем языке, которым сейчас уже не пользуются, ведь глава рода умер тысячу лет назад.

И вот после трёх месяцев подготовки я открыл в своей ауре это Хранилище. По весу (не по размеру) вышло где-то тонн пять. В дальнейшем я его модернизировал: сделал в нём устройство вроде метронома, где стрелка туда-сюда ходит, на базе телекинеза, и стал качать Хранилище. Запустил и не отслеживал – не требовалось. Маны тратилось мизер, так что устройство работало круглые сутки, и за сутки качало где-то по сто килограммов.

За двести лет жизни я накачал себе Хранилище в размере семи тысяч тонн, даже больше, и нельзя сказать, что оно пустовало. Жаль, что все накопления пропали. Как показал опыт, в новом мире всё нужно начинать сначала, но благо Дар остался при мне.

Так я и учился до одиннадцати лет, пока соглядатаи не нашептали королю, что я веду себя подозрительно, в результате чего меня решили проверить. Поэтому мне пришлось немедленно бежать. С собой я забрал всю тайную библиотеку, оставив помещение опустошённым. Кроме этого прихватил и ещё кое-что, но мизер – уж очень торопился. Дело в том, что меня, по сути, застали со спущенными штанам; я, конечно, планировал бежать, но позже.

Королевство было небольшим – по площади как Швейцария на Земле. Хотя богатое за счёт шахт и добычи ценных металлов. Этот мир был водным: один крупный континент размером как Австралия на Земле, а остальное в большинстве своём крупные и мелкие острова, которых тут были миллионы. Поэтому, думаю, понятно, почему я подался в моряки и прибил к отряду, который занимался поиском затонувших сокровищ в местах кораблекрушений. На поверхности искать было нечего, там всё давно нашли поисковыми амулетами, а тут шансы были.

Два выхода у меня было, один из них удачный, а на третий мы попали в шторм. Так я оказался один на острове, где прожил семь лет. Зато пси-лечение изучил от и до: книги-то и обучающие материалы были при мне. Магические амулеты разрядились, а я псион, у нас другая энергия, и зарядить амулеты я не мог, вот и приходилось лечить себя самому. А жизнь на острове не сахар была: он был расположен на севере, зимой снег выпадал. Разница между пси-лечением и магическим была очевидна: пси-лечение очень длительное, но и очень качественное. Магическое же занимает считанные минуты, ну или дни, если случай особенно сложный, но и качество лечения среднее.

Спасли меня пираты, которые высадили на моём острове бунтарей, поднявших мятеж на корабле. Меня хотели продать на Вольных Островах как раба, но я сбежал. Кем я только ни был за двести лет: и искателем сокровищ, и сыщиком, и торговцем, и поваром в дорогом ресторане столицы Вольных Островов. Десяток профессий поменял, но основная, конечно, это путешественник: любил я менять виды вокруг.

Конечно, меня искали сыщики-наёмники из королевства. То, что я псион и умею создавать Хранилища, бывшая родня узнала и от злости все зубы стёрла. Я за двести лет больше трёх тысяч Хранилищ установил, но не им. Вообще, это очень дорого, но желающих хватало.

Раз десять меня ловили, но я сбегал. Пытались выкупить книги – не продавал. Записи по Хранилищам уничтожил, а остальные книги разошлись по моим детям. Их у меня, замечу, хватало: ни одного холостого выстрела. Все пять десятков были псионами, что пацаны, что девчата. Поэтому на момент моей гибели книг по псионике в Хранилище, по сути, и не было.

Вся эта библиотека находилась у меня в памяти, ведь первое, что я сделал, когда азы получал, это натренировал пси-методиками идеальную память с увеличенными объёмами. Часть воспоминаний и знаний, где-то две трети, я хранил не в голове, а в ауре – пси-оны так могут.

Отличная была жизнь, есть чем гордиться и что вспомнить. Кстати, русского я не забыл. На втором году жизни во дворце я нашёл музыкальный амулет, который снимал часть памяти; музыкально одарённые записывали в него мелодии, которые придумывали, неплохие композиции получались. Память у амулета была расширенная. Я стёр всё, что там было, и закачал в него земные песни.

Вспомнить смог около трёхсот, хотя был меломаном и знал много. Но тело было не родное; что смог вспомнить, после того как сделал память идеальной, то и записал, а остальное оставил в памяти с прежним телом (ну, это я так думаю). За двести лет я эти песни изучил, конечно, от и до, но слушал не часто, чтобы оскомину не набили. Потому и язык помнил, напевал, чтобы не забыть. Так и жил, пока не погиб. Думал всё, но оказалось – нет.

Теперь по нынешнему моему новому телу. Попал я в семилетнего парнишку. Заметьте совпадения: прежде, утонув, я попал в семилетнего принца, и тут снова утонул и снова оказался в теле семилетнего парнишки. И даже имя было схожее с именем, которое я носил в позапрошлой жизни – Терентий. Только фамилия Левша, а не Грек, причём это была фамилия его приёмной семьи, а настоящей никто не знал.

Очнулся я в очень плохом теле, на грани жизни и смерти: двустороннее воспаление лёгких даром не прошло. Смог выкарабкаться и, дав понять

окружающим, что потерял память и никого не узнаю, выяснил, что смог. Значит так. Терентия, или Терешу, в село Андреевское, расположенное в донской степи, принесла беженка в сорок первом году. Ему на тот момент было два годика. Женщина сказала только, что это сын красного командира, а мать мальчика погибла после налёта. Ну и попросила принять дитёнка. Приняла паренька пожилая пара – Левши.

Через эти земли проходило немецкое наступление на Сталинград. В сорок втором немцы проскочили быстро, боёв в окрестностях особо не было, а вот летом сорок третьего, когда Терентию было четыре годика, село практически стёрли с лица земли. Рядом был берег речки, брод – удобное место для обороны, и пехотный полк вермахта держался здесь восемь дней. Когда наши в другом месте прорвали оборону, немцы отошли, выравнивая линию фронта.

Во время боя мина, причём советская, попала в погреб, где прятались трое – Левши и их приёмьш. Старики погибли, а пацана откопали. Правая нога его в районе колена превратилась в крошево. Очнулся Терентий в советском госпитале. Ему хотели отрезать ногу, но женщины, из выживших, уговорили врача попытаться её спасти.

Врач вернул шапку на место (последние три волосинки ему вырвали, уговаривать местные женщины умели) и собрал кости. Коленного сустава, по сути, не осталось, кость цельная, не сгибается, да ещё и короче на семь сантиметров. Но хоть ходить может. Из-за болей просадил сердце, да и лёгкое слабое оказалось.

Немцы ушли, в село вернулась мирная жизнь. Госпиталь, а точнее медсанбат, отправился следом за войсками, поэтому мальчонку оставили. Его приняла на попечение Марфа Андреевна Крапивина. Стоит сказать, что у нее было двое своих детей и двое приёмных, тоже из беженцев, потерявших родичей. Все девчата, Терентий один пацан.

А тут ещё у Марфы Андреевны пузо попёрло: немцы стояли в селе всего восемь дней, но этого хватило, чтобы помиловаться с фельдфебелем, и в сорок четвертом она родила девочку. Марфа Андреевна была солдатка, похоронку ещё в сорок первом получила. А тут промелькнуло что-то между ней и немцем, ведь бывает такое: увидишь человека и что-то привлекло. Насилия там не было, это точно.

Её особо не осуждали. А фельдфебель погиб, Марфа Васильевна видела его тело, когда копали общую могилу для немцев. Да и у наших тут были две братские могилы.

Жили в землянках, и только в сорок пятом многодетной матери справили дом – мазанку с соломенной крышей, с двумя печками, с большой светлой комнатой и второй с кухней, ну и сенями. Во дворе колодец и сарай с курятником.

А вокруг степи, деревьев нет, топили соломой или камышом – вот его как раз много было, вязанками носили. Ещё коровьи лепёшки, но это на любителя. Бедно жили, очень. Обувки на всех не хватало, платье или одежда справная есть – уже за счастье. У Терентия одна рубаха была да штаны. Летней обувки вовсе не было, а для зимы лапти, но и те все износил, новые справить надо.

За год, прошедший с окончания войны, семья Крапивиных обзавелась собакой, кошкой, шестью курами с петухом и пятью гусями с гусаком – всё на развод. Две несушки уже сидели на яйцах. Многие сельчане помогали многодетной вдове. К тому же Марфа была местная, и родственников хватало: семья погибшего на войне брата, да и свекровь, жившая на другой стороне села. Это из близких, а было немало и дальних родичей.

Терентий ковылял с костылём и по мере сил старался помогать: пас гусей, собирал коровьи лепёшки. Но передвигался он медленно, и более шустрые дети успевали первыми. На всё село было всего двенадцать личных коров и два бычка, у колхоза своего стада не было, только табун. Кроме того, Терентий пытался рыбачить в речке, однако её перегородили сетями, и улов был мизерным.

В селе до войны было триста дворов и даже несколько каменных зданий, но во время боёв всё разрушили. С сорок пятого года в селе шла активная стройка, уже сотня дворов были восстановлены. Строились и другие здания: сельский клуб, магазин, школа, а также машинный двор – это колхоз развернулся. В общем, работы было много.

Главным в селе был председатель колхоза, который всё и решал, – Василий Егорович Кнопов. Он сначала воевал в партизанах, потом в Красной армии, взводным, войну закончил под Берлином. Теперь вот председательствует.

Седьмого марта Терентий тихо скончался в своей постели от двухстороннего воспаления лёгких, и в то же самое время с громким первым вздохом в его теле очнулся уже я. Вот такие дела.

Три недели я балансировал между жизнью и смертью, и, наконец, моё состояние стабилизировалось. В этом была немалая заслуга девчат, которые ухаживали за мной, и сельского фельдшера, который заглядывал ко мне через день и поил меня порошками. Вот тогда, имитируя потерю памяти, я постепенно выяснил всё, что касалось моего нового тела. Да и разговорный навык неплохо наработал, несмотря на сильную слабость. Так как в сентябре мне нужно было идти в школу, я просил девчат показать мне буквы и вскоре уже читал по слогам.

В апреле я смог вставать, чтобы самому ходить в туалет. И вот однажды ночью, когда все спали, я вышел на двор и, скинув рубаху, забрался в бочку с дождевой водой. Бочка была выше моего роста, и это хорошо: нога-то у меня не сгибается, чтобы присесть. С помощью приставленного ящика я поднялся, перекинул ноги и ухнул в ледяную воду.

Три нырка с головой – и на третий я смог-таки провести инициацию. Хорошо, что в воде находился, иначе я бы всё тут разнёс. Меня било крупной дрожью, сердце, и так слабое, колотилось как сумасшедшее, иногда сбиваясь с ритма. Вытираясь на ходу рубахой, я прыжками (ходить без костыля было сложно) вернулся к лежанке и завернулся в одеяло, чтобы отогреться. Заодно и Дар брал под контроль.

Обычно Терентий спал с одной из девчат, десятилетней Анной, тоже приёмной, но на время болезни ему выделили отдельную лежанку. Я с трудом сдерживал рвущийся из горла кашель, которым за время болезни явно успел достать всех жителей хаты, хотя никто ничего не говорил. Терпеливые девчата, спасибо им за это.

Согревшись, я сел на лежанке, вытянув правую ногу, и начал медитировать. А как только набрал полный источник, приступил к пси-лечению. Несмотря на желание первым делом вылечить сердце, которое меня беспокоило, занялся я именно лёгкими, поскольку и сам устал от кашля: вздох сделать не могу без того, чтобы не закашляться. Дело это долгое, но постепенно восстанавлиюсь.

За остаток ночи я успел провести диагностику лёгких, сердца, да и вообще внутренних органов. Трижды наполняя источник, я пси-лечением сливал энергию в лёгкие. И кстати, дышать стало заметно легче. Мне тут работы ещё на неделю, но, думаю, смогу полностью восстановиться, лёгкие будут как новенькие.

Немного ошибся в расчетах: с лёгкими я справился за десять дней. Ещё пять дней занимался сердцем, оно требовало особенно тонких манипуляций. К тому времени я уже активно начал помогать по хозяйству: приглядывал за живностью, кормил её, да и дом был на мне, и малая. Уже посевная шла, и все жители были в поле, а дети в школе: под это временно выделили барак, пока строилась новая. Потихоньку я себя полностью восстановил. Осталась только она – нога.

Сегодня было пятое мая, воскресенье, народ готовился впервые отмечать День Победы. А я решил дойти до речки и половить рыбу, телекинезом, но делая вид, что использую снасть. Вообще, голодно было: весна, всё уже подъели, а я с этим лечением ел как не в себя, так что рыба очень пригодится. Нужно отплатить добром за всё добро, что я получил, пока лечился. Повезло мне с семьёй.

И вот я сидел на кочке и телекинезом тягал рыбку в ведро: мелочь на засол, крупную на жарку. В основном краснопёрка была, но и пару окуней удалось взять.

Кстати, пора описать, что я имею с Даром, какие умения. Через шесть дней после проведения инициации я открыл на ауре Хранилище. С тех пор работает метроном, и Хранилище постоянно качается. На данный момент его объём уже восемь тонн и четыреста кило.

На втором месте магическое зрение. Жаль, я не могу пользоваться им постоянно, только часа три в сутки, иначе глаза болят, но и это неплохо. Максимальная дальность – три метра, но в земле только метр: земля заметно экранирует от магического взгляда. Это в прошлом мире мне на суше ловить было нечего, отчего и занимался подводными изысканиями (моря щедро подкидывали нам свежую добычу), а здесь я стану первым кладоискателем. Уже в предвкушении.

На третьем месте телекинез. Дальность – восемь метров на пределе, сил источника при полном объёме хватит на два часа использования, потом

придётся заполнять вновь. Поначалу телекинез был грубой силой: максимальный вес, который я мог поднять, – кило сто. Но сейчас, имея двухсотлетний опыт использования, я так наострился, что научился и более тонким манипуляциям: например, вскрывать замки, что навесные, что встроены. Да и магические тоже: псионика амулеты взламывает на раз, именно ломает, окончательно и бесповоротно. Также телекинезом я мог и живое брать: задушить кого-нибудь (ста кило для этого хватит), подтолкнуть или вот так рыбу тягать из воды.

На четвёртом месте пси-лечение. Могу себя лечить или других людей, но это долго и муторно. Кстати, я ещё раз провёл диагностику ноги и понял, что ногу восстановить смогу (я говорю о коленном суставе, который смогу вырастить), но уйдёт у меня на это год, не меньше. И кроме того, для этого потребуется много еды в качестве материала.

На пятом месте работа с металлами. Видели в фильмах Лукаса Силовую ковку, которую демонстрировали джедаи? Вот нечто подобное. Только я могу и дерево состыковать так, что не найдёшь место соединения. Ну и с металлами и пластиком также работаю. Возьмём для примера двигатель машины, в котором разлетелся поршень. С дефицитом всего и вся достать такую запчасть – дело сложное, а я смогу восстановить, причём напрямую: тот металл, что в двигателе, экранирует повреждённую деталь для моей Силовойковки. Так что разобрал движок, восстановил, снова собрал, и двигатель работает. Как-то так. Правда, сил на такую работу много уходит, тот же поршень пару дней восстанавливать буду, но главное – это возможно.

В нашем колхозе в основном конный транспорт. Автопарк, по сути, с нуля восстанавливают, но уже есть две полуторки, неплохо сохранившийся «Опель-Блиц» и четыре трактора СХТЗ-НАТИ – вот они новенькие, только с завода. У председателя своего авто пока нет, ездит на трофейном мотоцикле «Цундап» с коляской. Больше техники в селе и колхозе не было. Велосипеды тоже не сохранились, после войны с десятков в селе появилось, но это пока редкий и дорогой зверь. Нашей семье, как и многим в селе, не по карману.

В принципе, по телекинезу я всё сказал, но не объяснил главного: отчего псионов считают дешёвыми фокусниками и потому презирают, а магов – пахарями, тружениками, которые заслуживают уважения.

Псионны – иллюзионисты. Это первое, чему они учатся, и это отлично позволяет им освоить контроль над силами и концентрацию. Я, между прочим, в

путешествиях часто изображал бродячего иллюзиониста, радуя детей и взрослых не только театральными сценками, но и фильмами, которые показывал на белом полотне. Сюжеты черпал из земных фильмов, но многое придумывал сам.

Надо сказать, всё это пользовалось огромной популярностью. Другие псионы так не могли, но они самоучки, а у меня более серьёзная база, хотя и я изучал всё методом тыка, без учителя, который помог бы мне быстрее овладеть мастерством. У меня самого были два ученика-иллюзиониста, которые позже сделали себе громкие имена и устроились при разных королевских дворах. В принципе, можно сказать, что мастерство иллюзиониста я освоил в полной мере и даже развил.

План у меня пока был один – выживать и помогать приютившей меня семье. Девчата радовались, что я, наконец, вылечил свой кашель, который их действительно мучил, не давая спать по ночам. Но для лечения мне требовался материал, а сейчас, весной, было голодно. Мы собирали лебеду и щавель. Тут юга, и всё уже зеленело, вон на полях уже ростки пшеницы видны.

Наш огород был вскопан, сажали не картошку – очистки, едва хватило. Посадили также морковь, лук и капусту, добывая семена всеми правдами и неправдами. Куриц и гусей мы не трогали: они несущки, а яйца помогали нам восполнять недостаток белка. То, что я начал больше есть, заметили все, и мне было морально тяжело объедать остальных. Хорошо ещё от колхоза перепало полмешка муки за посевную.

В общем, нужна была еда. Рыба, конечно, хорошо, но это мелочь. Мне нужны солидные запасы, а в селе их взять негде, любая пропажа сразу привлечёт внимание. Нет, нужно ехать в город. Смешно сказать, Хранилище есть, а убирать в него нечего – я нищий. В городе я бы развернулся, но проблема заключалась в моём возрасте. Такие щеглы, как я, своего мнения иметь не должны, и без сопровождения меня фиг отпустят. Но ничего, я что-нибудь придумаю.

Сидя на берегу, я делал движения руками, как будто держу в них леску, и выдёргивал из воды очередную краснопёрку с ладонь взрослого мужчины – это, считай, крупная. Изображать рыбалку было необходимо, потому что дальше, метрах в двухстах от меня, два пацана, братья лет десяти и двенадцати, копали клубни камыша (не у нас одних голодно), заодно собирая и сам камыш в вязанки для растопки.

А рыбачил я довольно просто: иногда включал Видение (как я называл магический взгляд) и, замечая крупную для этих мест рыбу, хватал её телекинезом и выкидывал на берег, делая при этом движения руками, словно подсекал. Речка у нас мелкая, называется Чир. Рядом брод, потому в войну тут и располагались позиции немцев.

По броду, который был выше по течению, как раз шла телега с углём. Те, кто мог себе это позволить, покупали уголь, другим иногда давали от колхоза. Зарплаты-то не было, так хоть так помогали людям. Нам вроде тоже обещали. В этих краях дрова – дефицит, зато недалеко расположены угольные шахты, мелкие камни да пыль с которых отдавали в продажу. Наш колхоз там закупался.

В общем, мне было о чём подумать. В город нужно, запасы сделать. А для этого транспорт необходим: я с этой ногой не пешеход, далеко не уйду. Идеально подошла бы мотоколяска, да где её найдёшь? И выпускают ли их вообще? Придётся обычные машины угонять. Велик мне не нужен, не справлюсь.

Приметив, что пацаны закончили возиться с камышом и, закинув вязанки за спины, двинули к селу, я тоже прекратил рыбачить. Дождлся, когда они со мной поравнялись, один из парней подхватил моё ведро (не мне с костылём его тащить), и мы направились в село.

Братья жили через три дома от нас дальше по улице. Возле нашего плетня остановились, деловито отобрали для себя пять крупных рыбин (у них было пять ртов в доме). Я смотрел на это спокойно: они не раз помогали нам, так что всё правильно, заслужили.

Младший из братьев похвастался, что вчера взял на удочку большого леща. Я это уже слышал, он всем рассказал и даже показал пойманного подлещика. Вообще, наша речка впадала в Дон, до которого километров сорок, но была она мелкая и водилась в ней одна мелочовка, крупные рыбыны в неё не заплывали.

Братья направились к своему дому, а я позвал девчат. Они занесли ведро во двор и сразу отправились к столу под навесом, чтобы почистить рыбу. Я пошёл следом за ними.

Стоит сказать, что демобилизация продолжалась, и на днях вернулись восемь фронтовиков, в том числе и отец парнишек, которые помогли мне ведро донести, недавно и гулянка была по этому поводу. Много после войны осталось вдов и сирот, но кому-то везло, мужья и отцы возвращались. Из живых ждали ещё пятерых. Кроме того, шесть наших молодых парней были призваны в армию, их должны были скоро забрать. По этому поводу тоже гуляли.

Устроившись на лавке под навесом, я смотрел, как быстро девчонки потрошат рыбу. Некоторая была с икрой. Вообще, я хотел крупную отдать, а мелочь засолить, даже казанок приготовил. Нам от колхоза кусок соли подкинули, я б его роздробил, как раз бы хватило. Однако и мелочь пошла в дело: её завернули в марлю и отправили в котёл, на уху.

Причём часть рыбы девчата отложили и позже, завернув в лопухи, разнесли по соседям, в том числе снохе и свахе Марфы Андреевны. Это правильно, живём всем миром, помогая друг другу, иначе не выжить. Вон братья Трубины, что сети ставят, большую часть рыбы коптят и продают пассажирам поездов на железнодорожной станции, в двадцати километрах от нашего села. Их считают жадюгами и не любят с ними дел иметь.

Впрочем, у нас в селе появился участковый, младший лейтенант Антонов, тоже из демобилизованных. Повоевал он, судя по наградным колодкам, лихо. Так что, думаю, он прикроет эту лавочку: разрешения-то у братьев нет, председатель колхоза не выдавал. Ну да они на Дон переберутся, там и улов крупнее. Участковый с женой устроились пока у наших соседей. Одна из тех хат, которые начали строить для молодожёнов (у нас уже четыре свадьбы были), предназначалась для них.

Некоторые из наших соседей, узнав об улове, сами к нам заходили, языками почесать и прихватить часть улова. И вот, когда очередная соседка-старушка ушла, я сказал:

– Мама Марфа, после Дня Победы дядя Стёпа едет к станции. Попроси его взять меня с собой. Хочу на рынке побывать, купить кое-что. Находки были в реке, продам, вам подарки привезу.

– Так...

Марфа хотела было упереть руки в бока, но вовремя спохватилась: руки были в рыбной чешуе. Она открыла рот, чтобы грозно спросить, что такое я нашёл в реке, но не успела: нас окликнули от калитки. Подъехала та самая телега с углём, которую я видел на броде: нам велели передать двадцать килограммов угля. Так что я рванул за корзинами, по дороге зовя девчат, а Марфа Андреевна направилась к плетню, пообщаться с возничим.

Он лопаткой набирал уголь в ведро, ставил ведро на весы, после чего высыпал уголь в корзины, которые девчата уносили в сарай. И так, пока мы не получили свои двадцать кило. Среди них было много пыли, но и камней хватало.

Уголь мы убрали в угольную яму, будем копить на зиму. Летом хватает хвороста и камыша. Бани у нас нет, соседской пользуемся, к ним пол-улицы ходит. А летом речка, уже сейчас купаются, хотя и прохладно. Сам вечером окунусь. Пора уже.

Надо, наконец, рассказать о жильцах нашего дома. Про хозяйку я уже говорил: тридцатипятилетняя женщина, справная казачка, сам таких люблю. Потом Глафира, она же Глаша, невестящаяся девка семнадцати лет, из приёмных. Главная помощница по дому и хозяйству. Школу она закончила (у нас восемь классов было) и теперь работает в колхозе.

Потом по возрасту идут дети Марфы: Анна четырнадцати лет и Даша двенадцати. Есть у нас ещё одна Анна, десяти лет, из приёмшей, и Терентий, то есть я. Ну и Нина, родившаяся от немца, ей два годика, она самая младшая. Сейчас время к обеду, и она вон по двору носится, но скоро её спать в доме уложат – тихий час.

А я сплю на улице: у стены дома навес сделан, там я лежанку себе и устроил. Ночью одеяла хватает, хотя и прохладно. Если вдруг дождь или сильный ветер, я перебираюсь в дом. А так нормально, мне нравится.

Марфа отдала почти всю рыбу, остались лишь три мелких и две крупных, варятся в марле в казане на летней кухне. На обед будет уха, и лепёшки пекут. Я Марфе сказал, что вечером ещё схожу наловлю, так что она не сэкономила. Поделился с ней мыслями о засолке, получил одобрение. За всей этой суетой хозяйка и забыла расспросить меня о моих находках.

Вечером я действительно сходил на речку. Мелкую с собой взял, сидела рядом, глядела, как я рыбачу. Заодно искупал её и сам искупался. На речке хватало малолетних рыболовов с удочками, а один из Трубиных ниже по течению сеть вытаскивал. Мне на рыбалку получаса хватило, а чуть позже пришла Глаша, она ведро и донесла. Не полное, я не наглел, чуть больше половины было.

Три десятка мелочи я сразу отобрал себе на засолку и тут же занялся делом. Остальное Марфа забрала на ужин, на этот раз она жарила рыбу на сковороде, а что-то и соседям отдала. А что касается засолки, так дурное дело нехитрое, я и в прошлом мире неплохо руку набил на этом, любил малосольную рыбку, вот и здесь всё сделал как надо. Глаша помогла мне придавить крышку тяжёлым камнем.

После ужина я поковылял ко двору дома председателя. А там дым коромыслом: мужики собрались, обсуждают за длинным столом планы по стройке на ближайшие дни. Я вошёл во двор, потыкал костылём в спину одного из мужиков, и мне, нахальному, уступили место.

Устроившись за столом, я сказал:

– Может, хоть квасу нальёте гостю? То, что на столе, я не пью.

– Налей Решале, – хмыкнул в усы председатель.

Хозяйка дома подошла ко мне с кувшином и налила в стакан. Хм, действительно квас. Мужики вокруг дружелюбно подшучивали и посмеивались надо мной.

Ну, моё нахальство им было уже известно, да и кличку свою я также от них получил. Решалой меня прозвали за мои фразы-прилипалы. Я часто говорил: «сейчас решим», «вопрос решаем», «без проблем, всё решу». И в первой своей жизни такое прозвище имел, и здесь тоже. Причём избавиться от этих словечек я и не пытался: это мой стиль, да и прозвище моё мне нравилось.

Квас оказался хорош, ядрёный. Допив до конца, я поблагодарил хозяйку, вытер тыльной стороной ладони пенные усы над верхней губой и сказал:

– Тут слух прошёл, что в левом крыле клуба будет парикмахерская и выделят помещения для мастера-ремонтника.

Председатель хмыкнул и обратился к мужикам:

– Час назад всего обсуждали, а уже все знают. Да, Терентий, пока здание дома быта не построят (по плану в следующем году), будет выделено место в клубе.

– Это хорошо. Претендую на место ремонтника. Своего пока ещё обучим или поди найди специалиста. А я умею, да и фамилия обязывает. Мастер на все руки.

Я подождал, пока смех от моих слов стихнет, и продолжил:

– Понятно, что мне в школу в этом году, но и работы, думаю, немного будет, пару часов после школы смогу потратить. Пока могу на дому работать, а зимой уже в помещении клуба. Деньги – маме Марфе, хочу семье помочь, а то как нахлебник. И мне инструмент купить нужно, своим буду работать. После праздника Победы на станцию машина идёт, разрешите с Глашей съездить в Сталинград, я там всё подыщу и куплю что нужно. Потом со станции вернёмся с кем-нибудь из наших, с теми же братьями Трубиными. Ну а найдёте мастера, освобожу рабочее место.

– Эй, конкурент, – окликнул меня один из братьев, они оба тут были. – Как рыбалка вечером прошла?

– Отлично. Полведра. На голый крючок клюёт. Часть уже засолил. Кстати, вот, нашёл в речке.

Достав из складки рубахи кругляш, я звонко положил его на столешницу. А что, карманов у рубахи и брюк нет, вот и сделал складку у подола рубахи, убрав туда находку.

Председатель взял кругляш и изучил его при свете керосиновой лампы: света в селе не было, от станции вели линию к машинному двору, но пока не закончили.

– Медаль «За отвагу». Колодки нет. Хм, номер сохранился, можно будет узнать чья, – заметил председатель.

Медаль пошла по рукам, пока не оказалась в руках участкового, который тоже сидел с нами за столом. Он записал номер, убрал медаль в планшетку и уточнил у меня:

- Нашёл там, где рыбачил, у Ямы?

- Да, там, чуть левее.

- Это где одна из стрелковых рот с ходу форсировала реку, пытаюсь взломать оборону. Одиннадцать бойцов потеряли. Самые большие потери за восемь дней боёв за село.

Очевидцев из выживших жителей села хватало, и участковый собрал все нужные данные. Вон и на братских могилах имена всех погребённых имеются, неизвестных нет. Что за полк брал наше село, известно, а найдут хозяина медали, живым или нет, это уже позже узнаем.

Я как раз стянул с тарелки кусок хлеба с салом, когда председатель, который до этого размышлял, попыхивая папироской, обратился ко мне:

- Значит, говоришь, всё чинить можешь? Проверим.

Он повернулся к сидевшим на крыльце детишкам, среди которых была и его дочка лет десяти, и велел:

- Алёна, принеси часы, там, в верхнем ящике стола.

Девочка быстро метнулась и принесла наручные часы, явно трофейные. Видение мне сразу показало, что в часах лопнула пружинка, поэтому я взял их в руки, уже зная, в чём заключается проблема.

Покрутив легко вертящееся колёсико, я сказал:

- Пружина лопнула. К счастью, у меня есть разбитые часы, в реке нашёл, в них пружина целая, перекину. Завтра принесу.

- Хорошо. Как починишь, тогда и поговорим.

Я завернул часы в подол рубахи и убрал за верёвку, заменявшую мне ремень. Поскольку делать мне тут было больше нечего, я сполз с лавки и, опираясь на костыль, запрыгал к калитке, а там по улочке к перекрёстку и спуску к реке. Босые ноги вязли в песке. Наконец я добрался до места, где рыбачил. Третий раз сюда спускаюсь за день и едва-едва, с двумя отдыхами, преодолел эти метры.

Дело в том, что вечером, купаясь здесь с Ниной, которую только с визгом и слезами удалось вытащить из воды, так ей понравилось (хорошо Глаша помогла, когда за рыбой пришла), я заметил в глубине ямы ствол оружия. Видимо, его во время того форсирования потопили. И теперь я хотел донырнуть и вытащить его.

Между прочим, военных артефактов вокруг села хватало. У брода, на другой стороне, до сих пор стояла сгоревшая «тридцатьчетвёрка»: экипаж хотел с ходу пролететь брод, но произошёл подрыв боекомплекта. Башня слетела, и её уже утащили в металлоприёмку, а вот за корпус пока не брались. Были также две исковерканные немецкие гаубицы (это «илы» поработали), и колхоз уже выделил время и трактор, чтобы в ближайшее время утащить их на станцию. Хватало и остовов разных сгоревших машин.

Выше по течению стоял полузатопленный немецкий танк, и парни говорили, что недалеко от него был утоплен мотоцикл, его искали, да не нашли. В том месте на наш берег прорывалась окружённая группировка немцев, и им это удалось, но часть техники они потеряли. Надо бы там потом поискать, если мотоцикл и правда есть, заберу его и восстановлю.

Быстро скинув с себя всё, я допрыгал до воды и ухнул в неё с головой. Здесь глубина метра три, а чуть дальше яма глубиной метра четыре. Дальше ещё ямы, там Трубины и ставят сети.

Видение показало, что течение сносит меня как раз к находке, мои расчёты оказались верны. Активно работая руками и ногами, я добрался до дна. В ушах уже шумело, сердце билось как сумасшедшее, но я копнул рукой песок, достал до ствола и вытащил оружие. Это оказался карабин Мосина, в патроннике было пять патронов. Я тут же с частью воды убрал карабин в Хранилище.

Вернувшись ближе к берегу, я по воде погрёб выше по течению, отталкиваясь ногой от дна. Дело в том, что я заметил магическим зрением новые находки:

ППС и вещмешок, зацепившийся лямкой за корягу. Понятно, что за три года там всё могло подгнить, но всё равно достану.

За три ходки я достал пистолет-пулемёт и сидор. Вот его удалось взять только со второй ходки: первой я промахнулся, и меня утянуло течением. На берегу я достал из Хранилища все находки, отряхнул их от воды и песка и вернул обратно, после чего собрался и потопал к дому. Часы не потерял, мне их ещё чинить.

А сидор, похоже, принадлежал хозяину ППС: в нём оказались патроны для него и запасной магазин. И пусть у обоих магазинов пружины заметно ослабли, я их восстановлю Ковкой. Патронам, думаю, ничего не будет, воды они вряд ли боятся. Можно стрелять, осечки будут, но мало. В сидоре была сотня патронов и одна граната Ф-1. Кроме того, я нашёл там пару банок с рыбными консервами (на вид вроде в порядке), наручные часы, складной нож, исподнее и всякую мелочовку.

Вынув из сидора все вещи, я выжал из него воду, вернул то, что мне не надо, обратно, и, вернувшись домой, отдал сидор женщинам: мол, нашёл в реке. Они быстро его распотрошили, вещи сушить отправили, консервы прибрали. Наручные часы, которые боец явно с кого-то трофеем снял, я обещал восстановить. Девчата размечтались: можно будет их продать, глядишь, на корову хватит. Ну, насчёт коровы это они, конечно, увлеклись, но на козу, которая молоко даёт, вполне можно будет обменять. Я им об этом сказал, и они тут же стали обсуждать, что на две обменять можно. Мечтательницы.

Утром после завтрака я вернул в строй часы, которые получил от председателя. Разобрав механизм телекинезом (им можно как тонкими инструментами пользоваться), я за час починил пружину. Собрал часы, завёл их, выставил точное время и направился к председателю.

Председатель был на машинном дворе. Встретил он меня с хмурым видом, но когда я протянул ему часы, заметно подобрел лицом.

– Работают, – приложив часы к уху, сказал он и, надевая их на левую руку, уточнил как бы невзначай: – А что за часы Марфа Трубиным на обмен дала?

Понятно теперь, почему он меня так хмуро встретил: видимо, решил, что это его часы в оплату пошли.

– В реке нашёл. Сидор за корни топляка зацепился, в нём пара консервных банок, часы да исподнее. Нашёл, когда от вас купаться пошёл. Понырлял на удачу, и вот. Хотел ещё что-нибудь найти, кроме медали.

Понятно, что оружие отдавать я не собирался: может, и не пригодится никогда, но иметь под рукой точно стоит. В сидоре нашлась бутылочка с оружейным маслом, заполненная на две трети, вода в неё не попала, вот и приведу оружие в порядок. Глядишь, гденибудь и пригодится.

А вообще, двустволку бы заиметь: в нашей местности водились зайцы. Да и куропатки были, только они мелкие, степные. Говорят, видели косуль, но я особо не верю. Охотник я, вообще, неплохой, так что, думаю, даже с моей ногой, если транспорт будет, смогу приносить добычу. Осталось дело за малым.

Председатель моей заминки не заметил, хлопнул меня по плечу и сказал:

– Ладно, отвезут вас на станцию. Мать-то не против?

– Уговорю.

– Ну-ну.

– Я спросить хотел. Может, кто-нибудь едет к тому немецкому танку в речке? Хочу глянуть, что там и как.

– Надеешься найти оружие? – проницательно уточнил председатель. – Смотри, всё нужно сдавать участковому.

– Если бы платили за сдачу, все бы понесли, а так кому это надо? Как в анекдоте.

– Что за анекдот? – сразу заинтересовался председатель.

Между прочим, моя речь до болезни и потери памяти и сейчас – это две большие разницы. Я явно стал умнее и слов знаю больше, это все замечали. Фельдшер

ввернул пару слов на латыни и объяснил, что такое бывает: мол, стресс и всё такое, не редкий случай. Многие тут же начали вспоминать, как их знакомые после контузий и ранений менялись, и, похоже, действительно находили такие случаи, а может, сами себя в этом убедили. Так что изменения, произошедшие со мной, восприняли как должное.

Я рассказал председателю анекдот о том, что ответил внуку дед, поливавший маслом цветочную клумбу. Он рассмеялся и махнул рукой в сторону вереницы телег, три из которых отправлялись в нужную мне сторону. Подкинут, а там недалеко останется.

А танк был Т-4, модернизированный. Так сказали пацаны, от которых я о нём узнал, в моделях нашей техники и противника они были доки. А вообще, как дело было. Немцы с ходу хотели речку пролететь, да завязли: глубина здесь хоть и небольшая, да дно топкое. Часть техники потеряли, а остальное, что смогли, сельчане потом выдергивали тросами. Наш колхозный «Опель-Блиц» как раз оттуда. А танк никого не интересовал.

Братья Трубины были ушлыми парнями, и они искали тот якобы утонувший мотоцикл. Видать, было куда сбыть. Но не нашли. Может, мне повезёт? Если он вообще есть.

На телегах мы проехали километров восемь, и мне показали, где находится танк. Метров двести от дороги я хромал по полю, пока не дошёл до него. Сел на круче и задумался. Странно, что немцы тут перебраться хотели: берег высокий, техника не поднимется, вон выше по течению место более подходящее, видимо, в итоге там и перешли. Да, даже отсюда вижу старые колеи, уходящие в воду.

А вообще, может, и не переправиться хотели, а утопить танк, пустив своим ходом? А тот взял и до другого берега дополз. А что, вполне может быть. Танк торчал из воды не весь, виднелись лишь башня с задранной пушкой и часть корпуса с люком мехвода. Все люки были открыты. Понятно, что все окрестные мальчишки уже внутри побывали и всё, что могли и хотели, оттуда забрали.

Наш председатель хотел танк вытащить, и не для того, чтобы сдать, а желая использовать его вместо трактора – пахать. Это ни у кого удивления не вызывало, у соседей тоже танки и тягачи были, пусть и без башен, а пахали на них. Вот и этот танк пробовали выдернуть, да не смогли, тросы порвали. А потом

и не до него стало.

Я проверил перочинный нож, найденный в сидоре. Лезвие я поточил на точильном камне, так что нож был в полном порядке. После этого я стал снимать одежду. Стоило поторопиться: пока все в школе или на работе, я за старшего на хозяйстве, за малой присматриваю, за ней глаз да глаз нужен. Но сегодня пришла баба Нюра, свекровь Марфы, вот я и попросил её заменить меня до обеда, посидеть с Ниной. Хоть и чужой ребёнок, да ещё от немца, но баба Нюра неприязни не выказывала.

Раздевшись, я вошёл в воду и, оттолкнувшись, уцепился за ствол. Подтянулся, чтобы встать на броню корпуса. Залезать внутрь я не стал: Видение показало, что действительно вытащили всё что могли. А жаль, нам в хозяйстве любая мелочь сгодится.

Прыгнув в воду, я стал по течению спускаться вниз, изучая магическим зрением дно в поисках новых находок. И знаете, я в шоке: находок хватало. Для начала «Кюбельваген», да ещё плавающая модель. Машина вроде целая, на колёсах стоит, крыша сложена. Я донырнул и коснулся корпуса, отправив её в Хранилище.

Потом я нашёл два легковых мотоцикла: один, судя по эмблеме, БМВ, а чей второй, я не понял, но прибрал оба. Ну, так и есть, угадал я с танком: здесь явно топили технику. Особенно меня заинтересовал велосипед, обычный такой, мужской, с багажником за седлом, и недалеко от берега. Я также убрал его в Хранилище. На этом силы у меня закончились, и я вернулся к берегу.

На берегу я достал велосипед. Пока с него стекала вода, я по реке, вдоль самого берега, отталкиваясь от дна, вернулся к вещам (по воде мне проще передвигаться). Там я оделся, взял клюку под мышку и похромал обратно к велику, тут метров сто всего. Клюку закрепил прищепкой багажника, левую ногу поставил на педаль и, отталкиваясь прямой правой, смог, как на самокате, добраться до дороги.

Сколько велосипед пробыл в реке, не знаю, но втулки колёс скрипели, нужно всё разбирать и чистить. А вот воздух колёса не особо стравили, вроде давление держат. Жаль, подкачать было нечем. Не страшно, сделаем. Главное – узнать, чей велик. Если не опознают, оставят нам, а если опознают (несколько видоков

должно быть), вернут хозяевам, если они живы.

Это мне просто повезло, что я такие крупные находки поднял. Не подумал бы, что у берега, где ивы склоняли над водой ветви и где течением была прорыта яма, будут такие находки. Были и мелкие. Планшет, кожа которого не сильно пропиталась водой, его можно будет высушить, главное сделать это правильно. Пистолет ТТ без кобуры, который я нашёл на илистом дне ямы, два немецких штык-ножа, детали амуниции, фляжки, четыре котелка. В общем, мелочовки хватало, это я ещё не всё видел, но вот сил нырять за ними уже не было, поэтому я оставил их до следующего раза.

Добравшись до дороги, я покатил в село. Пришлось на педали боком стоять, так было удобнее отталкиваться, мне даже удалось набрать довольно приличную скорость. Дважды я останавливался, чтобы выковырять из земли с обочины монетки – десять копеек и пятнадцать. Убирал в Хранилище и дальше катил. В селе я тоже три монетки нашёл.

В селе моё появление вызвало переполох. Оказывается, сестрицы в школе рассказали, что я нашёл сидор и медаль. О том, что в реке могут быть находки, знали многие, но в прошлом году утонул двенадцатилетний мальчик, и после этого поиски как-то разом прекратили. А тут в эйфории от моих находок несколько мальчишек сбежали с уроков и с камнями в руках начали нырять в той яме, где я рыбачил. И вытащили советский ручной пулемёт. Там, видимо, при форсировании много всего потонуло.

На берегу народ собрался, и участковый там же, а тут я к ним подъезжаю. Участковый быстро сориентировался, вызвал видоков, все жители изучили найденный мной велосипед. Опустили сразу. Я не в претензии, находки и так радовали, хотя нашей семье велосипед бы пригодился.

Прибежал и парнишка, хозяин велосипеда, который утопил его в сорок втором, как раз когда немцы наступали здесь на Сталинград. Это был один из призывников, уходивших этой весной в армию. Парень свой велосипед сразу опознал. Оказывается, он его всё лето искал, да так и не нашёл: ночью топил и с местом, видимо, ошибся. В общем, велосипед был возвращён хозяину, и парень радовался до слёз.

А потом мы с семьёй сидели в саду под навесом и обедали. Была уха, сытная еда. Хотелось бы сказать, что в тени сада, но после обстрелов в саду только пеньки фруктовых деревьев остались, ветки и стволы в топку ушли. Привозили саженцы, и в нашем саду было уже шесть саженцев черешни, десять яблонь, из которых прижились девять, пять грушевых, и по одному облепихи, рябины и боярышника. Но пока листочки только проклюнулись, до первого урожая ещё ждать и ждать.

Пока мы обедали, пришёл парень, владелец велосипеда, и подарил нам два горшочка дикого мёда с сотами. Уж не знаю, где он его достал, но подарок за находку щедрый. Девчата сразу стали лакомиться мёдом: сладкого мало перепадало. Я отказался, сказал, что не сладёна, пусть им всё достанется.

Во время обеда обсудили с хозяйкой и Глашей поездку в город; оказывается, председатель с ними об этом уже поговорил. К счастью, отказа не было. Глаша аж подпрыгивала от желания поскорее поехать. Девчата помладше тоже хотели, но им фигу показали, малы ещё.

Хорошо, что время обеда лимитировано, и девчата убежали в школу, работать на огороде. Школа ещё строилась, стены уже подняли, в пристройке планировали сделать кухню и столовую, а часть участка выделили под огород, и детвора иногда там работала. Марфа Андреевна и Глаша ушли на работу. Свекровь, баба Нюра, пообедав с нами, тоже ушла. Я снова остался на хозяйстве один, не считая Кнопки, как прозвали Нину.

Проверил живность. Гуси на реке, у кур загон огорожен плетнём, их не выпускают, собака в конуре спит, кошка где-то бродит. Подперев калитку палкой, чтобы видели, что дома никого нет, я направился к барaku, где временно разместились школа. Рядом со мной, мелко семеня ножками, шла Нина: в левой руке я держал её ладошку, а в правой – костыль. Так и добрались.

В бараке было всего несколько помещений, одновременно могли учиться четыре класса, поэтому уроки шли в две смены. В школе было четыре учителя и директриса, которая также вела географию и уроки музыки.

Директрису я нашёл за баракom, у хозяйственной постройки, где шла инвентаризация спортивного инвентаря. Я надеялся на удачу: всё же она была тётёй того парня, к которому не без моей помощи вернулся велосипед.

– Здравствуйте, Ольга Петровна.

– Сдайте, – смогла сказать малютка Нина, которая уже говорила, но не всегда было понятно, что именно.

– Доброго дня, дети. Вы кого-то ищете?

Она мельком глянула на мой костыль. Он был сделан из сухой ветки, рогатка под мышку – и шагай. Негнущуюся ногу я назад сдвинул: когда стою, всегда так делаю – привычка.

– А я к вам, – объяснил я. – Знаете, пока я болел, Анна много со мной занималась, а я схватываю на лету. Уже читать и писать научился. Зачем мне в сентябре в первый класс идти? Может, вы меня проверите и скажете, в какой класс я гоюсь по знаниям?

– В старших классах школьники взрослее тебя, как бы проблем не было. Дети жестокие. Ты не хочешь со сверстниками учиться?

– А смысл? Пока знания есть, их нужно развивать, а в первом классе это... деградация. Я правильно сказал, не напутал?

– Молодец, правильно. Знаешь... – Директриса задумалась, наблюдая за тем, как Нина ловит бабочку. – Пожалуй, проверить тебя можно, сейчас как раз начинается пора экзаменов. Только нужно согласие твоей мамы.

– Будет согласие.

И действительно, согласие было получено. Экзамены я сдавал со вторым классом, он у нас один в селе. Пришлось учебники почитать, чтобы не засыпаться. От уроков физической культуры у меня освобождение, а остальные экзамены я сдал: два на четвёрки, а остальные на пятёрки. Меня официально перевели в третий класс. Мне достались учебники Анны, которая из третьего класса перешла в четвёртый. Учебники были школьные, просто их записали за мной.

Вообще, мне, конечно, не стоило так рисковать, привлекая к себе внимание, но уж очень не хотел я учиться с малолетками. Чем быстрее закончу школу, тем лучше. Два года выиграл, почему бы и не порадоваться? Шесть лет - и на свободу с чистой совестью.

Однажды утром мы с Глашей в кузове полуторки, среди десятка таких же пассажиров, выехали к железнодорожной станции. Машина шла за кирпичами и цементом, которые должна была получить со станционного склада. Стройка требовала материала. Цемент тут возят в бочках, другой тары нет, про бумажные мешки и вспоминать не стоит, не то время. В колонне шли все три имеющихся в наличии машины.

Вообще, выехали мы позже, чем я рассчитывал, а всё экзамены в школе: пока сдал да табель получил. Потом встал вопрос: в чём ехать? Это мне по фигу, я и в рванине поеду, не смущаясь, но это же стыдоба. Вот по родственникам и знакомым нас с Глашей и собирали в поездку.

На мне были вполне справные брюки с кожаным ремнём, рубаша с курткой и школьная фуражка, довоенная. Вот из обуви нашли только сандалии, но это и понятно. Глаше подобрали неплохое платье, обувь по ноге и головной платок. Вот, кстати, о головных платках: я без них ни разу не видел женщин на улице. Одна из учительниц ходила в модном красном берете, а остальные женщины в платках, снимая их только дома. Здесь ветер легко гоняет пыль, и женщины так защищали волосы.

Кроме того нам собрали еду на сутки, сложив её в найденный мною ситор, который к тому времени уже привели в порядок. Марфа Андреевна хотела ещё и деньги нам собрать, но тут я её остановил: сказал, что кое-что продал братьям Трубиным, и деньги у меня есть, на дорогу и еду хватит.

И я не солгал, так оно и было. Да, я плотно готовился к экзаменам, но всё же выделил один день и снова посетил место затопления танка. Поныряв, я достал пистолет, планшетку, штык-ножи, немецкий карабин, ложки, фляжки, котелки, в двух из которых оказались кружки, и несколько ранцев. Вот эти находки, а также то, что нашёл в земле, я и продал.

Самой главной находкой, по сути, случайной, оказался чей-то давний схрон, найденный мной в стене выходившего к речке оврага. Хорошо, что крышка

схрона была в полуметре от поверхности, я дотягивался магическим зрением. Думаю, был бы жив хозяин, забрал бы схрон, а так лежит и гниёт.

Я убрал в Хранилище пласт земли, обнажил крышку схрона, вскрыл его и прибрал содержимое. Какой-то крепкий хозяйственник прятал, и подозреваю, что в Гражданскую. У нас в селе было два купеческих дома, кирпичных. Одно здание после боёв восстановили, и сейчас там находится сельсовет, а второе разобрали на кирпичи: в нём две стены рухнули.

Ничего особенного в схроне не было. Оружия не нашлось, зато был патефон фирмы «Патэ», такой, в виде чемоданчика. Я проверил – работает, хотя, конечно, обслужить его надо. Там же нашлась и коробка с тремя десятками пластинок, а также запасные патефонные иголки. Помимо этого был солидный самовар, уже тронутый зелёным налётом, но ничего, я его почищу, а дырку, которую заметил Видением, заварю Ковкой. Ещё я нашёл два чемодана с одеждой, она отсырела, но высушить можно. Там же была шкатулка с банкнотами, которые уже давно не в ходу, пятнадцать золотых червонцев, десяток серебряных монет и золотой перстень.

Схрон я сдавать не стал, хотя на следующий день его нашли: плохо я его замаскировал. Да и от оврага до ближайшего огорода метров сто было, так что шастали тут кто ни попадя. Впрочем, я и сам случайно его нашёл, когда отлить спустился.

Всё содержимое схрона ушло братьям Трубиным, а они языком не треплют и расплатились хорошо. Шкатулку тоже отдал, только червонцы оставил. Поэтому деньги у меня были, полторы тысячи рублей ассигнациями. Откуда у братьев такие деньги, не знаю, но расплатились они честно: понимали, что и другие находки им понесу. Да и сами они поиском занимались.

А за наручные часы нам привезли козу. Хорошая, молодая, правда бодливая, но молоко даёт. Причём, похоже, она под козлом была и скоро пополнения можно ждать.

Как бы то ни было, мы едем к станции. Машина скользит по грязи, лепёшки из-под колёс даже в кузов залетают. Вчера был хороший дождь, из-за чего ещё на день пришлось задержаться. Один раз застряли. Травма и возраст всё же иногда на руку играют: не надо вылезать и толкать машину. Глаша в новом прикиде

тоже не вылезла, да и народу хватало.

За час мы доехали до станции: двадцать километров от села, не так и далеко. Часть народа осталась здесь, а мы направились на вокзал, к начальнику станции. Дело в том, что станция не пассажирская, проходная. Грузы сюда доставляют, есть такое, но и всё на этом.

Начальник станции был в курсе дела, так как председатель нашего колхоза всё с ним уже обговорил. Он посадил нас в кабину маневренного паровоза, перегонявшего в Сталинград повреждённый паровоз, который в сорок четвёртом при подрыве мины на рельсах слетел с насыпи и ушёл в болото с частью вагонов – партизаны поработали. Паровоз подняли на рельсы и поставили на ход, и теперь его ожидал долгий ремонт.

Об этом нам рассказал помощник машиниста, пока мы сидели в уголке кабины. Я видел, что ему Глаша понравилась. Ещё бы, за ней парни табуном ходили. Красотка донская, одна грудь третьего размера чего стоит. Сам бы съел, да мал ещё. А кстати, Терентий был красивым мальцом. На певца Губина похож, и улыбка замечательная, светлая. Только шрам на брови, но он даже красил.

В Сталинград мы прибыли вечером, часто стояли на полустанках, пропуская составы. В пути пообедали вместе с паровозной бригадой: они своё достали, мы своё, организовали общий стол. А я размышлял.

Среди находок были две армейские фляжки, наша и немецкая, обе почищены песком. Мы взяли их с собой, в одной квас, в другой простая вода. Чая мы не пьём, на него денег нет.

Находки свои я приводил в порядок, а как же. Всё найденное оружие и штыки почистил и смазал оружейным маслом. Патроны отстрелял для пробы на дне оврага: так звук недалеко уходил. Из ТТ два выстрела сделал, и осечек не было, из карабина Мосина – один, и тоже без осечки. Но понимаю, что патроны ненадёжные. Я ещё с полсотни на дне реки нашёл, так что запас есть, но лучше другие схроны найти, на суше. В общем, с оружием порядок.

К мотоциклам я пока не приступал, смысла нет: я в этом возрасте их использовать не смогу, а вот «кюбельвагеном» (модель пока не знаю, надо будет литературу полистать, когда она будет) плотно занимался несколько ночей. А

что, сплю снаружи, темнота не мешает. Ушёл за сад, достал и работай.

В багажнике машины были инструменты. Она вообще комплектная была: лопата в держателе, запасное колесо, даже вёсла имелись. Я просушил тент, установил крышу, подкачал резину. Машина сорок третьего года, пробег меньше двух тысяч. Двигатель гидроудар словил. Я слил всё, в том числе и смесь из бака, двигатель разобрал, прочистил и собрал. Даже с аккумулятором поработал, осталось залить электролит, зарядить его, в бак бензин, масло моторное залить и можно ехать.

Всё это я планировал добыть в этой поездке. Колхоз грабить не стоит, там всё на учёте, и председатель на это дело лютый. Уже двое по этапу поехали в дальние края. Авторитета, конечно, ему это не прибавило, но в селе порядок, и это правильно.

Покинув паровоз, мы направились к вокзалу. Пришлось через пути идти на другую сторону. Глаша удивлённо крутила головой и в конце концов спросила:

– Хочешь найти, где можно переночевать? Девчата рассказывали, что и как.

– Нет. Сама видела, пока по окраине ехали: Сталинград – это одна большая стройка. Тут и немцев пленных немало, восстанавливают разрушенное. То, что мне необходимо, нам здесь не купить. Мы поедем в Москву, поэтому нужно купить билет. Можно и по реке добраться, но это очень долго, поездом через Тамбов куда быстрее.

У Глаши на руках было два документа: комсомольский билет и справка из колхоза о том, что нам разрешено покинуть село. Паспорт она не получала, их колхозникам не выдавали, Да, мы как на зоне. Грустно, но иначе людей не удержать, давно бы разбежались. Кому охота за спасибо вкалывать по-чёрному?

Пока мы так шли не спеша, я спросил у девушки:

– Ты вообще как себя видишь? Я бы хотел, чтобы ты в Москве осталась. Устрою тебя в какой-нибудь техникум или училище. Извини, но в университет с твоим школьным аттестатом тебе не поступить.

– Я с тобой чувствую себя, как молодая девчонка перед взрослым мужчиной, – проворчал Глаша. – Аттестат-то дома.

– Не дома, я его прихватил. Справка из колхоза, конечно, не то, но как документ для поступления вполне пойдёт. А столичные учебные заведения, даже училища, котируются выше, чем откуда-нибудь из глубинки.

– Страшно.

– Привыкнешь. Так что, кем бы ты хотела стать?

– Врачом.

– Это забудь. Медсестрой или ещё каким-нибудь медработником – это ещё может быть.

– Я подумаю. Может, и медсестрой стану.

– Время есть, думай. Да, наверное, и врачом сможешь стать: учишься на медсестру, подтяни знания и там на врача поступишь. Всё в твоих руках. А у нас будет якорь в Москве, будем тебя навещать. Надеюсь,пустишь переночевать?

Глаша со смехом взлохматила мне шевелюру. Было жарко, фуражку я снял, и Глаша несла её в руках. Мы оба были потные. Эх, сейчас бы на Волгу, искупаться.

Мы доковыляли до здания вокзала. Я чуть передохнул на лавочке, после чего подошёл к окошку кассы. И облом. Билеты давно раскуплены, резерва тоже нет, по крайней мере для нас.

Впрочем, когда в полночь к перрону подошёл поезд, мы спокойно устроились в вагоне и вскоре уже пытались уснуть, пока вагон, громяхая колёсными парами на стыках, вёз нас к столице. Я проводнику на лапу сунул, и пусть мы едем в его купе и полка у нас одна на двоих, но ведь едем, и это главное.

Покупок будет много. Когда вернусь, надо будет как-то их объяснить, как и то, что вернусь я один, без Глаши. Конечно, будет скандал, но Глафира – девушка

свободная, ей в нашем селе душно. Видно, что не хочет она замуж и детей рожать, не её это мечта.

Да и братья Трубины вон как устроились. Оба служили в ремонтных подразделениях. Одного в сорок первом призвали, второго – в сорок втором. В разных армиях служили, а закончили войну в одном рембате танкового гвардейского корпуса. У нас в колхозе оба работают на машинном дворе, отличные механики. А что мутят что-то, возят на станцию да продают, так три дома на свои деньги отстроили. Богатые у них хозяйства: лошади, коровы. Но сильно выше других не заносились, понимали, что перебарщивать нельзя: кулаками ещё объявят.

Председатель их не прикрывал по той причине, что у них всё достать можно. Магазины в селе нет, автолавка два раза в неделю приезжает, так что они пока нужны, и братья этим пользуются. Деловые люди, уважаю таких. Хотя не по советским моральным принципам живут, это тоже стоит отметить. Долго их лавочка не продлится, и они это, к счастью, тоже понимали.

Мы были чистые, потому что, узнав, когда приходит поезд, я нанял пролётку, и мы съездили на берег реки. Полчаса покупались, а после на той же пролётке вернулись на вокзал. У бабулек на вокзале докупили съестного: вполне неплохие пирожки с картошкой и яйцом и пяток варёных яиц.

Жаль, Глаша у меня на прицепе, я бы тут много что скупил. Однако показывать Хранилище не стоит. Оно у меня по-прежнему качалось; когда приедем, уже одиннадцать тонн будет, хотя одна тонна занята автомобилем, двумя лёгкими мотоциклами-одиночками и ещё разной мелочью.

В столицу мы прибыли вечером следующего дня. Это было девятнадцатое, воскресенье. В пути мы успели пообщаться. В общем, Глаша не решилась принять моё предложение, сказала, что вернётся в село. Всё же зацепил её один парень, может, и сладится у них. Ну, это её дело.

На вокзале я тут же выцепил одну бабку, которая сдавала комнату в коммуналке, совсем рядом, без тараканов и клопов. Доехали на пролётке: хоть и рядом, но я не ходок. Проверили. Комната понравилась, туалет и ванная чистые, жильцы соседние вроде приличные. Мы уплатили за десять дней, и бабка ушла в свою комнату (она жила в соседней).

Мы с Глашей разложили вещи, потом по очереди посетили туалет и ванную, а то после вагона неприятный липкий пот на коже. Опыт с ванной у Глаши не первый: она до войны в городе жила, в семье интеллигентов, так что справилась быстро. А вот радио мы слушали до десяти вечера, непривычно было.

Потом Глаша устроилась на кровати, а я на тахте: семь лет, рост небольшой вполне умещался. Убедившись, что Глаша уснула, и сон её перешёл в крепкий, я, стараясь не скрипеть половицами, поднялся с тахты. Костыль брать не стал, я мог ходить, пусть и недолго, на цыпочках правой ноги. Тихо покинув комнату, я вышел на лестничный пролёт и уже там оделся.

Вообще, у меня была мысль осмотреть чердак и подвал: дом старинный, в три этажа, мы сняли комнату на втором. Сто процентов находки будут. Но это я оставил на потом, мы тут задержимся на десять дней, успею.

А вот эшелон с новенькими полуторками, на который я нацелился, долго ждать не будет. А что, техника нужна. Такие машины в автопарке нашего колхоза есть, скоро ещё придут, обещали шесть штук в июне. Нанесу номер одной такой машины на борта, сменю номер двигателя и станет близнец. Буду ездить по ночам (кто мне днём даст?), и машину будут считать колхозной. Чем не удачная идея?

Причём машину буду угонять ничейную. Как так? Эшелон идёт с завода, и пока будущий владелец авто не получил, она ничейная. Пропажу спишут, и всех делов. А вот чёрная «эмка», припаркованная у тротуара возле соседнего дома, с ещё горячим мотором, точно чья-то. Я её угоню, но забирать не буду. Просто мне не дойти своим ходом до железнодорожной станции, проще доехать на машине.

Вскрыть замок было просто, как и завести двигатель без ключа – телекинез рулит. Я устроился за рулём, приходилось вытягивать шею, иначе я не видел дорогу впереди. Сейчас бы очень кстати была подушка под зад. Больная нога на педали газа, там как раз и могу щиколоткой шевелить, прибавить или убавить, а вторая – на сцеплении и тормозе.

Я быстро наловчился ехать без рывков, аккуратно, не спеша, чтобы не привлекать внимания. Фары освещали дорогу, да и улицы были освещены: война закончилась и необходимость в светомаскировке исчезла. Впрочем, вскоре я свернул на улицу, где фонари горели разве что на перекрёстках, и только фары

освещали лужи после прошедшего недавно дождя; пока мы в вагоне ехали, он как раз шёл. И кстати, рядом со станцией я видел чью-то автобазу, там я рассчитывал добыть GSM.

Остановившись у забора, я заглушил движок, запер машину и направился к проёму в заборе. Оказавшись на территории станции, я огляделся. Эшелона с грузовиками не было. Хотя нет. Видно плохо, но, по-моему, он дальше стоит, в тупике. Ну да, вон угловатые силуэты «газонов». Вот гады. Специально ведь подъехал, чтобы далеко не ходить, а его в другое место перегнали.

Добравшись до эшелона, я удивился. На платформах стояли не ГАЗ-ММ, а новенькие ГАЗ-51, которые как раз в этом году начали выпускать. Эшелон готовили отправить дальше, и из разговоров сцепщиков я узнал, что он идёт в Польшу. Это меня сразу взбесило: у нас самих таких машин ещё нет, а они уже пшекам гонят, жополизы. Нет, хотя бы одну, но уведу.

Мне удалось незаметно забраться на замыкающую платформу в эшелоне, хоть и нелегко это было. Изучив два автомобиля, стоявших здесь, я забрал крайний. Собран он неплохо, без спешки. Пусть кабина деревянная, но капот и крылья обиты жёстью. Борта не открываются, только задний. Печки отопления нет, щётки на лобовом стекле ручные: крутишь ручку на ходу, и щётка работает. Ручная автоматика, блин. Но машина мне подходит. Убрал в Хранилище. Ключа в замке зажигания не было, но меня это не волновало, сделаю.

Едва я покинул эшелон, как он дёрнулся, отправляясь в дальнейший путь. Я двинул было к проёму в заборе и выругался. Оказалось, что эшелон с полуторками стоял дальше, я не рассмотрел его за водонапорной башней. Доковылял до него и прихватил одну машину. Две восьмьсот весил первый «газон» и чуть меньше двух тонн второй. Причём полуторка имела крытый кузов с тентом. Обе машины были выкрашены в матовый зелёный цвет, видимо, другой краски нет.

На двух платформах дальше по эшелону я увидел крупные силуэты четырёх автобусов и задумался. Я знал модель, это были ГАЗ-03-30. Ругнувшись под нос – через пятьдесят лет это раритеты будут, – я доковылял до них и прибрал один. Он весил чуть больше полуторки – две тонны двести кило. Двухцветный, низ бордовый, а верх от окон – жёлтый. Семнадцать сидячих мест. Вещь. Теперь Хранилище было заполнено на восемь с половиной тонн, осталось две с половиной.

Добычей я был доволен. Теперь в автопарк. Сделаю в Хранилище запасы топлива, но оставлю полтонны свободного объёма для остальных покупок. Нужно же привезти своим подарки, да и другим сельчанам тоже. В автопарке, главное, к складу не подходить, там сторож с ружьём. А так пошукаем.

Благо Глаша не заметила, как я вернулся под утро, и я даже успел поспать, немного, но мне хватило. Чёрт, да пока мы ехали, я только этим и занимался, а тут дело не ждёт. Да и в дороге я больше делал вид, что спал, а сам в это время занимался ногой. Время от времени я ею занимался и до поездки. Рубцы и шрамы не трогал, а восстанавливал мышцы, часть которых уже атрофировались, да заживлял кости, собранные из мелких осколков, а то они болели, особенно в сырую погоду. Постепенно трещины исчезали. Ещё месяца три подготовки, и можно будет начать выращивать коленный сустав.

Вот только вопрос: а надо ли? Ладно, подрасту – уеду в город учиться, пока думаю на киномеханика, но может, ещё что выберу. Вот там и восстановлюсь, а в селе скажу, что городские врачи провели уникальную операцию и установили искусственный коленный сустав. Пусть проверяют.

Проснулась Глаша и пошла, зевая, в туалет. Пора было вставать. Приведя себя в порядок, мы по данным соседкой координатам двинулись к городской столовой, чтобы позавтракать.

Во время завтрака я размышлял о прошедшей ночи. Мы пробудем тут десять дней, за это время я накачаю Хранилище ещё на тонну, но сейчас оно полное, всего полсотни кило свободных. И вот что я уже успел приобрести. Три автомобиля, два грузовика и автобус – это так, приятный бонус. Главное то, чем меня порадовал склад ГСМ на автобазе. Я прибрал восемь бочек с бензином, который подходит и грузовикам, и моей легковой машине из реки, да и мотоциклам тоже. Запас небольшой, но на первое время хватит. Более того, я по очереди доставал технику и заправил все четыре машины.

А вот моторное масло разное, и не бодяжное, как обычно бывает. Если для грузовиков и автобуса одно, то для мотора «кюбельвагена» такое уже не подходило. К счастью, я нашёл две канистры нужного моторного масла, явно трофейного, из Германии привезли. Также пошукал в реммастерских, прибрал часть инструментов, самый дефицит. Нашёл и электролит с дистиллированной

водой, заправил аккумулятор на легковушке. Я его снял и за те два часа, что в мастерских был, зарядил на зарядном устройстве до полного, вернул в машину, и уже потом в городе проверил. Схватывает мотор с полпинка.

«Эмку» я вернул, похоже, её не хватились. Протёр руль, ручки и запер, после чего пошёл к себе спать. Этой ночи мне хватило для начала.

Из столовой мы на пролётке направились в сторону ближайшего дома быта. Здесь я обратился к мастеру. Как и думал, запасной комплект инструментов, его личных, у него был накоплен, больше о цене договаривались. Глаша у окна стояла, отвлекая внимание мастера своей точёной фигуркой. В конце концов мы ударили по рукам, и всё что нужно я получил. К сожалению, сложить инструмент нам было некуда, так что мастер презентовал нам старый кожаный саквояж. Я был вполне доволен.

Пролётку мы наняли на весь день, и она ждала нас. Сначала заехали в ближайший кинотеатр и купили билеты на вечерний сеанс кинофильма «Небесный тихоход». Я думал, что премьера была в прошлом году, а оказалось, в этом. В селе фильм пока не крутили. После этого мы заехали к часовому мастеру, водитель кобылы знал, куда ехать. К сожалению, купить ничего не удалось, но заехали не зря: получили адрес ювелира, который изготавливал инструменты для часовщиков.

Когда мы приехали к ювелиру, уже наступило время обеда, и он был дома. У меня была надежда, что у него найдётся готовый комплект, хотя работал мастер по заказу. К счастью, надежда моя оправдалась, и инструменты мы приобрели, но платить пришлось золотом. Я придирчиво изучил все покупки, но качество было высокое. Инструменты продавались в небольшом ящике, с ручкой сверху. Внутри были две лупы, большая и маленькая, мелкий инструмент каждый в своём отделении. Отличная покупка. Паяльник я тоже купил, даже утварь теперь лудить смогу.

За этот день я планировал сделать все основные дела, а дальше – отдых и приобретение подарков сельчанам. Поэтому мы завезли покупки на квартиру и поехали к следующему мастеру, который занимался пошивом обуви для инвалидов вроде меня. Он снял мерки и обещал сделать за шесть дней, мы платили за срочность. Я заказал летние ботинки с большим каблуком для правой ноги, на размер больше, и зимние, больше на два размера. У мастера я также приобрёл две трости разного размера.

Потом, поскольку пора было обедать, мы отправились в столовую, и возница с нами. На этот раз мы были в другой столовой, и мне здесь понравилось больше, чем в той, где мы завтракали: и готовили лучше, и продукты явно не экономили.

Вообще, я и сам хороший повар и всегда сам себе готовил. Для закрепления навыка я в прошлом мире даже работал несколько лет поваром в дорогом ресторане. Хотелось бы сказать, что я был шеф-поваром и у меня был штат поваров, которых я гонял, но это не так. Я как раз состоял в штате, но зато успел освоить все примочки. Начинал с изготовления разных соусов, закончил десертами. Я хороший повар и разбираюсь во многих деталях.

Пообедали мы с удовольствием. Я взял борщ со сметаной, картошку-пюре с котлетой и подливой, компот и два куска хлеба. У Глаши почти такой же набор, только щи были вместо борща. Возница обошёлся пельменями. Вместо хлеба он ел пирожки с картошкой, хорошая идея, надо будет повторить.

После обеда мы отправились на колхозный рынок, он ещё работал. Возницу оставили дремать у центрального входа, а сами прошли на территорию. Народу на рынке хватало, мне было сложно в толпе, но ничего, терпимо. И кстати, вот разница между жителями Андреевского и столицей: там ко мне привыкли, смотрели спокойно, а тут кто с брезгливостью взгляд отводил, кто с безразличием, а многие и с жалостью, нужна она мне больно.

Поглядывая вокруг, я ковылял по рядам, пока не заметил женщину. Серьёзная такая бабища, и товар на прилавке что надо. Вот к ней я и подвёл Глашу.

– Доброго дня, уважаемая, – обратился я к женщине. – Надо бы мою сестрёнку приодеть.

Женщина поначалу удивлённо заморгала, когда к ней шкет обратился, а не девушка; этому все удивляются, я уже начал привыкать. Бросив заинтересованный взгляд на Глашу, она уточнила:

– Что нужно? Как по деньгам?

– Значит так, нужно на сестрицу полный комплект летней рабочей одежды и бельё. Потом праздничной-выходной. Бельё нормальное, а не эти... – ткнул я

пальцем в штаны, стыдливо прикрытые ночной рубашкой. – Также обувь и головной убор, ну и куртку, чтобы было что накинуть, когда холодать начнёт. Такой же набор нужен для нашей мамы, сестрица размеры знает. Подберёте. Ну и тару, в чём всё это нести. С деньгами проблем нет.

Глашу сразу взяли в оборот две продавщицы и увели её за прилавок. Теперь ей ещё мерить всё предстоит, а это надолго. Я сказал, что погуляю пока вокруг, вернусь через полчаса, пусть не торопятся.

Прибавив скорость до предела, я направился к продовольственным рядам. Первым делом подошёл к продавцу разных мешков, от обычных, для картошки и других овощей, до вещевых заплечных, с лямками. Вот один такой я и купил, куда-то же нужно для вида убирать покупки. Я хотел сделать налёт на продовольственные ряды, чтобы иметь личный запас в Хранилище.

Здесь же я заметил керосиновый примус. И пусть он с одной конфоркой, но это, по сути, очаг, который можно использовать где угодно. Продавец с подозрением поглядывал на меня, пока я тщательно изучал примус. В бачке было немного керосина, конфорку мне зажгли, чтобы было видно, что работает. Я прибавил и убавил силу огня – отлично. Конечно, кустарная поделка, но качество хорошее, потому я честно заплатил требуемую цену, и мне помогли убрать примус в мешок.

У этого же продавца в продаже был и керосин. Если своя тара – отольёт, если нет – продаст, имеются бачки из жестянки на пять литров каждый, тоже самоделка. Все мои покупки сложили в мешок, и я нанял парнишку, который, пытаясь от натуги, дотащил мешок до крайних рядов. Тут, недалеко от бокового выхода, народу было значительно меньше. Я расплатился с парнем и, дождавшись, когда он отойдёт, без свидетелей убрал покупки из мешка в Хранилище.

Пришлось возвращаться, и по пути я купил две упаковки спичек: в одной двадцать маленьких коробков, в другой пять больших. Потом прошёл через овощной ряд, прикупил четыре кило картошки, десять штук моркови, три десятка луковиц, кочан капусты и две головки чеснока. Для начала хватит. Тут ещё нога разболелась, но я всё же добрался до мясных рядов.

Там я купил свежего солёного сала, духовитого, с чесноком, видно, что недавний засол. Двадцать два кило, кусками примерно по килограмму. Каждый мне

заворачивали в газету и упаковочную бумагу, и я убирал в мешок, который не наполнялся: всё в Хранилище шло. Тут же была горка копчёного сала, но я купил всего семь кусков, потому что они были свежие, а остальные заветренные. Впрочем, подумав, я и его выкупил: сало у нас в селе пока дефицит, разойдётся по соседям, они и такому будут очень рады. А уж как продавец был рад!

Так я и шёл по рядам, убирая покупки в свой волшебный мешок. И раз уж шёл по мясным рядам, покупал свежее мясо. Брал небольшими кусками, крупные мне просто не поднять. Рёбра свиные, рубленые куски мяса, немного говядины, кило пять тремя кусками. Взял и баранины. Нашёл ещё солёного сала, хоть отъежусь, для восстановления ноги самое то. Кроме того взял пять распотрошённых куриных тушек, двенадцать кругов копчёных колбас, две кровяных, пяток варёных, их как раз привезли. Присмотрев копчёную скумбрию, взял десяток. А ещё для меня нашли одиннадцать банок советской тушёнки, их тоже забрал.

На этом всё, устал. Глаза, конечно, разбегались, много чего прикупить хотелось, но оставим на завтра. Первый заход есть, будут и ещё. Отправив мешок в Хранилище, я вернулся к Глаше.

С Глашей уже закончили, да и Марфе Андреевне подобрали что нужно. Остальным девчатам она наряды не смотрела: знала, что для них, да и для меня, будем покупать позже. Глаше подобрали красивое платье, зелёный берет, сумочку, две пары обуви, ну и остальное. Местные продавщицы знали, что предложить. Сестрица уже переделалась. Поясок в тон платью подчёркивал тонкую талию и высокую грудь. Смотрелась она очень стильно, просто красotka. Я расплатился, и мы с двумя узлами двинули к выходу.

Возница, ожидая нас, дремал в пролётке. Растволкав его, мы покатали к месту своего временного проживания. С возницей договорились, что он снова подъедет без пятнадцати пять, киносеанс начинался ровно в пять. А пока Глаша разбирала узлы, я отдыхал на тахте: устал, уж очень суматошный выдался день.

Чуть позже Глаша тоже прилегла отдохнуть, да и уснула. А я покинул комнату и спустился на первый этаж. Дело в том, что когда мы поднимались к себе, я отдыхал у двери одной из квартир на первом этаже. И Видение показало, что в прихожей этой квартиры на полу лежит толстый слой пыли – такой мог набраться за год, а то и за два. Это странно, потому что квартиры обычно не пустовали: управдом мог сообщить начальству, а оно – заселить новых жильцов. Правда, наш управдом, как я узнал от местных бабулек, находился в

перманентном запое. А может, хозяин квартиры – важный чин? Может, уехал в длительную командировку, и квартиру для него держат?

Дальности Видения хватало до вешалки, и я видел, что там висела армейская шинель с погонами майора ВВС и ремень с кобурой, в которой был ТТ. А вот это уже странно. Я внимательно изучил дверь. Магическое зрение показало, что между дверью и косяком, сверху, вставлена спичка. Метка? Любопытно.

Я открыл оба встроенных замка и прошёл внутрь. Оставляя следы не хотелось: по ним любой поймёт, что был ребёнок, у которого не в порядке правая нога, а я тут уже примелькался, да и Глаша успела сообщить соседкам, откуда мы и что тут делаем. Поэтому я разогнал пыль к стенам. Видели, как за катером пенные усы расходятся? Вот и у меня что-то подобное получилось.

Я сначала прошёлся по квартире в поисках тайников и схронов. Если жилец – честный человек, ничего не трону, а если шпионское гнездо, всё вынесу, по размеру моего Хранилища. К слову, о Хранилище: нет такого, что сутки прошли, и раз – сто кило объёма прибавилось. Нет, оно качалось в реальном времени, выходило по четыре кило в час.

Нашёл. Уже не вызывало сомнений, что это была квартира какого-то резидента. Сначала думал, немецкого, но не похоже, чую английский след. Судя по газете на столе, последний раз в квартире были в декабре сорок четвёртого.

Я неплохо закупился, но ещё почти на сорок кило место было. Для начала я забрал съестные припасы, тут был небольшой запас, на две недели на одного. Всё длительного хранения и хорошо упаковано. Ящик со свиной тушёнкой, причём американской, полмешка риса и шесть упаковок с макаронами. На этом Хранилище у меня заполнилось, теперь нужно ждать, пока ещё объём накачается.

В кабинете мне особенно понравился отличный стол с зелёным сукном, как новый, только в пыли, и лампа настольная с зелёным абажуром. Антураж кремлёвский. Обязательно заберу. Но стол весил килограммов триста, что-то около того, так что надо качать Хранилище и копить место.

В квартире я пробыл минут семь, после чего запер её и вернулся в нашу с Глашей комнату. Кстати, дом этот был с одним подъездом и имел немало

квартир, но среди них были и коммунальные, вроде той, где проживали мы.

Вечером мы были в кино. Я с интересом смотрел эту чёрно-белую картину и запоминал: у меня были планы насчёт неё. Потом мы гуляли по городу. Я ходил недолго, и вскоре ушёл в комнату, а Глаша гуляла до наступления темноты и вернулась лишь часам к девяти. Сказала, что пришла бы раньше, но поплутала. Хорошо, что адрес знала, подсказали, куда идти.

Завтра у меня в планах рынок, а после обеда – Красная площадь. Планов громадье. Денег на конспиративной квартире я нашёл достаточно, были даже золотые червонцы. Теперь на всё хватит.

* * *

– Вот и прибыли, – пробормотал я, наблюдая, как поезд медленно подходит к перрону вокзала в Сталинграде. В этот раз мы ехали в купейном вагоне: билеты-то сразу купили, ещё до того как комнату сняли.

Глаша сняла с багажной полки два чемодана, вещмешок и саквояж – всё, что при нас было, хотя закупили мы куда больше. Но я сказал, что остальное доставят прямо к дому почтой: мол, такое возможно. Поэтому при нас были только подарки и ещё некоторые покупки.

Мы были одеты в новую одежду. Я в матросском костюме, который Глаша, как увидела, уговорила купить, да и мне он понравился. Ещё мне купили школьную форму, включая зимнюю. В общем, хорошо закупились. Сейчас у меня двенадцать тонн в Хранилище и свободного только то, что накопилось за время пути в Сталинград, почти сотня кило.

Что я успел приобрести? Припасы – это да, ещё одежду себе и остальным девчатам, но это уже Глаша выбирала. Ещё мы купили новый патефон, этого года сборки, и пластинки. Глаша уже научилась им пользоваться, и мы часто слушали музыку в нашей комнате. Себе я купил гармонь. А что, музыкальный слух имею, голос отличный, песен немало знаю, освою.

Кроме того, в том доме, где мы жили, я обнаружил три находки на чердаке и ещё одну в подвале, забрав всё ценное.

Так как Москву в ближайшие годы я посещать не планировал, то, вероятнее всего, находки на этой шпионской квартире были бы для меня потерянны. Поэтому припасов у меня было закуплено крайне мало, мне одному на полгода. Из квартиры я забрал письменный стол, круглый стол и шесть стульев со спинкой, а также кухонную утварь. Ну и кроме того шпионские принадлежности и оружие, два пистолета с глушителями.

Кроме того, я смог трижды уединиться в квартире, где на примусе готовил разные блюда, чтобы был запас готовой еды. Да и что я там успел отварить? Суп-лапша с курицей, макароны с тушёнкой и во второй кастрюле рис с тушёнкой. Ну и воды в чайнике вскипятил.

Ещё я купил шесть караваев хлеба, два батона и две буханки чёрного – с салом самое то. Купленное мясо и сало с колбасами я не трогал: это НЗ на зиму. Также мы с Глашей купили пятилитровый самовар и чайный сервиз на десять персон. Ну а к сервизу и чай. Нормальный, а не те ядрёные смеси, что продавали на рынке под видом нормальной заварки. Этот чёрный, хоть пить можно.

Глаше на день рождения я купил наручные часики. Ей четыре месяца назад исполнилось семнадцать, подарок получился поздний, но не менее радостный, она очень меня благодарила.

А вот об одной покупке стоит поговорить отдельно. Я пообщался с механиком ближайшего кинотеатра, и он дал мне контакт одного кладовщика. Даже созвонился с ним, чтобы тот меня встретил. Доехав до него, я выкупил у кладовщика кинопроектор, не стационарный, а такой, какие стояли в машинах-кинопередвижках. Аппарат списанный, но рабочий, хотя и сильно поюзанный.

Кроме аппарата я купил шесть плёнок в коробках. Это были старые фильмы, плёнка часто рваная, но это не страшно, показывать я буду всё равно не то, что на плёнках. Напомню, я иллюзионист, и подменить картинку мне несложно. К кинопроектору я взял два динамика (вот они были новые) и неплохое полотно для просмотра кино. Всё это находилось в Хранилище, хотя Глаше я сказал, что прибудет с почтой.

Вот так и пролетели десять дней. Где мы только не побывали, даже в театре. Глаша программку набрала, чтобы показать нашим.

В Сталинград мы прибыли вечером, сняли комнату на окраине, доехав до неё на пролётке. А с утра отправились на рынок, он тут большой. Купили хорошую, молочную корову двух лет, она чуть бодливая, но не страшно. Это подарок Марфе Андреевне, без коровы на селе выжить сложно.

Корову отвели к месту постоя, и я отправился закупаться проводкой, выключателями, розетками, патронами и лампочками. Напомню, что нам обещали село электрифицировать, так что эту зиму не при лучинах встречать будем, и в нашем доме я всё сам сделаю.

Сто кило свободного места в Хранилище было, вот я и закупился. Взял катушку с кабелем, пусть матерчатым в бумажной изоляции, но лучше не найти. Нашёл керамические патроны, изоленту и инструменты, которых у меня ещё не было. Благо в Сталинграде шла огромная стройка, и тут много чего можно было найти. Один кладовщик продал мне почти сто метров дорогого провода для улицы, в пластиковой оболочке. Буду проводить электричество в сарай, в погреб, под навес, где мы кушаем. Двор освещать надо.

Таким образом, я снова занял всё свободное место в Хранилище. А утром следующего дня мы сели в товарный вагон, куда по пандусу завели и корову, и покатали в нужную нам сторону. На нашей станции, где выгружали часть груза, заодно высадили и нас. Мы тут же наняли возницу с телегой и с коровой на привязи добрались до села.

Кстати, на улице уже стояли столбы с натянутыми проводами, и на двух дальних работали электрики, устанавливая лампы освещения. Ничего себе, выходит, с запасом электричество дают, раз даже уличное делают? В дома пока не заводили: первым делом на машинный двор и в государственные здания, а частники напоследок.

Вот так второго июня я и вернулся в село. Был вечер, когда я подъехал к нашему плетню. Меня встречали: о том, что мы едем, сообщили водители, которые на грузовиках мотались к станции и обратно по несколько раз на дню. Я больше скажу: один из водителей Глашу с вещами забрал, так что на телеге я ехал один, ведя за собой корову.

Всё было готово к гулянью. От соседей принесли столы и лавки, народ собирался, соседские женщины несли угощения, часть припасов мы с собой из

Сталинграда привезли. Я Глаше передал вещмешок, в котором было копчёное сало, несколько бутылок водки, три круга копчёной колбасы и одна варёная. Богато для сельского стола, особенно после войны.

С возницей я расплатился, а корову мы завели во двор, а после к сараю. Ею уже полсела успело полюбоваться, всё же наличие такой скотины является свидетельством зажиточности семьи. Наша бурёнка преодолела немалый путь, даже успела покататься на поезде, и, по-моему, она вздохнула с облегчением, когда поняла, что мы, наконец, прибыли.

Марфа Андреевна, Глаша и остальные девчата были в новых нарядах. Причём чемоданы и сумки Глаша привезла, но их не трогали. А когда я приехал, так всех и одарил. Соседи охали. Всю одежду, которую мы занимали для поездки, вернули хозяевам, и не просто так: кому нож перочинный, кому зеркальце карманное или губную помаду. Было чем отдариться.

А председателю я привёз жестяной рупор, пусть командует в поле и на стройке. Подарок ему понравился, да и у сельчан вызвал веселье и одобрение.

Потом взрослые уселись за столы, ну и я с ними. Детишки бегали вокруг, таская со стола вкусности. На стол выставили самовар, который умельцы сумели затопить, и чайный сервиз. Чай настоящий заварили, а к чаю мы привезли три кило конфет, есть с чем попробовать.

Больше рассказывала Глаша. Все очень удивились, узнав, что мы были в Москве, так как думали, что просто задержались в Сталинграде. Глаша раздавала газеты, купленные нами в киоске, и театральные программки. Они расходились по рукам. Девушка рассказывала, как мы были в кино, посмотрели три разных фильма, а также дважды были в театре. Кстати, комедии и мне понравились.

К сожалению, пока мы отсутствовали, в селе побывала кинопередвижка, так что жители уже успели посмотреть «Небесный тихоход». О купленном кинопроекторе я рассказал, глупо скрывать, он ведь для всех приобретён. Сказал, что выкупил списанный, он сломан, но когда я его починю, можно будет фильмы смотреть. Тот же «Тихоход».

– Так видели же уже, хотя и не все, – сказал председатель, который особенно налегал на колбасу.

- Так видели чёрно-белый, а мне дали цветную версию.

- Да ладно? - удивился он.

- Прибудет груз, сами увидите. Мне дня три потребуется на ремонт проектора, а потом покажу.

Вообще, кинопередвижка показывала на улице, при хорошей погоде. Жители приходили со своими стульями или лавками, а для экрана использовали стены фельдшерского пункта, они белые и ровные. Народ заинтересовался, заговорил, многие обсуждали нашу поездку.

А я начал общаться с братьями Трубиными, оба тут с жёнами были. Жены уже к патефону отходили, начинались танцы. Участковый, который был отличным танцором, изучал пластинки, отбирая те, что с вальсами. Патефон был не наш, Трубиных, наш с грузом прибудет.

- Чего-чего? - переспросил председатель, который явно прислушивался к нашему разговору. - Машины продают простым гражданам? Говори громче, это всем интересно.

Пришлось действительно говорить громче, немало мужиков и стариков собралось вокруг меня, чтобы послушать.

- В Москве на автозаводе готовятся выпускать гражданский автомобиль под названием «Москвич-400». В серию он выйдет в конце этого года. Сделан на базе «Опель-Кадет». Конечно, часть госструктурам пойдёт, в милицию, медикам, но и простым гражданам тоже достанется. Правда, купить машину будет сложно. Там такая схема: организации или заводы делают заказы на машины, их включают в план, и у них в бухгалтерии желающие встают в очередь на приобретение личного автомобиля, а как очередь подходит, выкупают.

- Нормальная схема, - одобрил председатель. - Цену знаешь?

- В районе восьми тысяч, но это не точно. Также будет выпуск ещё одной машины для гражданских нужд, называется ГАЗ-М-20 «Победа». В Горьком налаживают выпуск, обещают начать серию в конце этого месяца. Но я говорил с

инженером этого завода, и он машины первых двух годов выпуска брать не советовал: говорит, много брака будет, и пока не устранят проблемы, покупать не стоит. Цену этой машины не знаю, но точно дороже «Москвича». Машина для начальства.

Кстати, две этих машины ручной сборки показали товарищу Сталину в сорок пятом году. Их тогда «Родиной» назвали. Товарищ Сталин, когда услышал, спросил: «И почём мы Родину продавать будем?» Название сразу сменили на запасное, так машина и стала «Победой». Инженер, рассказавший мне эту историю, сказал, что это, скорее всего, легенда, но красивая.

Из патефона звучала музыка. В свете двух керосиновых фонарей кружились парочки. Мужики обсуждали сказанное мной. А мы с братьями Трубиными отошли к плетню. Нам было о чём поговорить, но делать это желательно без свидетелей, вот как сейчас.

Честно говоря, они мне нравились. Родись они лет на сто раньше, были бы крепкими купцами, а может, и промышленниками. А здесь им было душно, они задыхались. По мелочи работали, и только.

– Что ты хотел? – спросил старший из братьев, Михаил.

– Корову видели? У нас сарай, да и тот разделён на две части, в одной куры и гуси, в другой – хозинвентарь и погреб. Нужен коровник, с высокой крышей, чтобы сено хранить. За это отдам немецкий мотоцикл БМВ, лёгкий одиночка. Машина в порядке, на ходу, пробег восемь тысяч километров. У вас явно есть кому продать её без особых проблем.

– У танка нашёл? – проявил проницательность Михаил.

– Ага.

– Мало, – вступил в торг младший.

– За какой-то сарай целого мотоцикла мало?! – возмутился я. – Идите сами поищите.

– И поищем, – пообещал он.

Торговались недолго. Ударили по рукам после того, как я сверху накинул ещё орудийный передок, который в речке видел, да доставать не стал. Его можно для телеги приспособить, да найдут куда.

Погуляли мы хорошо. Спал я снова снаружи, на своей лежанке. Перед тем, как лечь, сходил в сарай, где среди разного инструмента, вёдер и лопат у нас стоял большой ящик для угля. Туда я и высыпал из Хранилища тридцать кило хорошего угля, не такого, какой нам выдавали от колхоза. Пока мы ехали от Сталинграда, я поднакопил места и увёл этот уголь со станции. Нам на зиму копить нужно.

Утром мы завтракали в саду. После вчерашнего гулянья он был захламлён: столы и лавки соседи ещё не забрали, да и мусора хватало. Будем убираться сегодня.

После завтрака зашёл старший Трубин. Я уже сообщил Марфе Андреевне, что договорился с братьями о постройке коровника. Бурёнку, которую называли Машкой, с утра отправили в стадо, пастись, вечером пастух её вернёт. Вчера мы её подоили, и к завтраку у нас было вкусное молоко.

Козу Марфа Андреевна оставлять не стала, и сегодня её отвели к снохе. У той дети, а из живности только куры, так что коза будет очень кстати. Мы и так молоко им носили. Кстати, пока нас с Глашей не было, две наших несущих птенцов высидели, два десятка. Теперь от гусей пополнения ждём.

Я показал Михаилу, где будем ставить коровник. Решили его большим делать и на две части разделить, с двумя входами. В одной части будет коровник, а другую для чего-нибудь ещё приспособим, придумаем. Наверху будет сеновал. Одной стороной коровник будет выходить на улицу, другой к соседям.

Михаил всё верёвочкой разметил, сделал лопатой метки, где траншею копать, и ушёл. Завтра придут рабочие и телега с материалами. К осени построят. Что касается аванса, я пообещал Михаилу, что передок сегодня, как стемнеет, ему передам, а мотоцикл после окончания стройки. На этом и договорились.

Марфа Андреевна побежала в сельсовет подать заявку, чтобы нам после уборочной привезли соломы. Да и сено накосить требуется. Тут я им не помощник, они сами с Глашей этим займутся; потом сено просушат и уберут на сеновал. Телегу у Трубиных займём.

Так как школа закончилась, девчата убирались во дворе, соседи постепенно забирали столы и лавки. Глаша с Марфой Андреевной работали на стройке, которая не останавливалась ни на минуту. У многих зданий стены были уже подняты, кроме клуба, тот двухэтажным будет.

Я тем временем сбегал на речку и, спустившись ниже поставленных на реке сетей, наловил целое ведро рыбёшки. Соседский паренёк помог мне донести ведро: повесил его за дужку на руль своего велосипеда, и так мы дошли.

Рыбу я не зря ниже по течению ловил: мне попалась пара крупных лещей, какие раньше не попадались. Всю мелочь засолил. Ту рыбёшку, что засолил ранее, промыл как надо, насадил на крючки (я заранее сделал три десятка штук) и отправил на подложку, пусть сушится. А в этом же горшке свежую засолил. У Трубиных я заказал два бочонка, литров по сто каждый, хочу побольше на зиму засолить.

Ещё вчера я всех удивил тем, что хоть и хромаю, но хожу с тростью, без привычного всем костыля, да и скорость движения заметно возросла. Я и показал обувь, которую мастер в Москве специально для меня сшил, в ней действительно куда удобнее было ходить. Вот такие дела.

После обеда я увиделся с председателем. Он как раз на машинном дворе появился, а до этого объезжал поля. Поговорили с ним насчёт мастерской дома быта. Председатель пообещал, что если не найдёт мастера, то место моё. Понятно, что официально всё будет оформлено на Марфу Андреевну, она и зарплату будет получать, а работать буду я. Всегда есть лазейки в законе, позволяющие его обойти. Не мы первые, таких левых работников в колхозе хватало.

В тот же день к нам во двор начали сносить утварь и всякое разное для починки. Пока помещения нет, я буду работать на дому, так председатель с Марфой Андреевной договорились. Мне не сложно. До вечера я успел залудить подтекавший самовар, починить капавший кран и зарастить Ковкой лопнувшую

пружину в патефоне, оставив след сварки. Работа несложная.

Проблема возникла с расценками. Чинил-то я официально, хозяевам вещей выдали квитанции, а цен никто не знал. Председатель со своим бухгалтером и парторгом сели и попытались было высчитать, что сколько стоит. Потом плюнули и решили взять за основу расценки в районном доме быта. Пошлют кого-нибудь в райцентр, он скопирует и привезёт. Райцентр находился в пятидесяти километрах от нас, через него проходила железная дорога, там же была и районная больница.

Передав починенное девчатам, я укатил в ту сторону, где стоял немецкий танк. Договорился с соседским мальчишкой, что он подбросит меня на багажнике своего велосипеда.

Когда доехали, уже стемнело. Я парнишку отпустил, он ещё уезжать не хотел. Дождавшись, пока он пропадёт из вида, я достал полуторку. А как же, Хранилище не резиновое, а мне нужно было освободить место для передка.

Поныряв, я добрался до передка и, коснувшись, убрал его в Хранилище. Потом сел на грузовик и, обогнав по дороге соседа-велосипедиста, доехал до дома Трубиных. Там достал передок, убрал машину и сбегал за братьями. Аванс они приняли, а я поспешил домой.

Уф, ну и денёк. А ещё мотоцикл восстановить треба, это дня на два работы, точнее ночи, по часу или два. И «Кюбельваген» нужно сушить, так-то он в порядке, на ходу, но мокрый, это же лодка. Хорошо, что я магическим зрением пробку на днище рассмотрел, не пришлось на бок опрокидывать: открыл пробку – вода и вытекла, остальное тряпками убрал. Но сиденья и тент крыши по-прежнему мокрые, их нужно сушить, а машина постоянно в Хранилище. Ничего, найду время, высушу.

С завтрашнего дня потихоньку начну делать электроразводку в доме. Как нас подключат, у нас уже всё будет готово. Тут электросчётчиков нет, оплату считают по количеству лампочек и розеток. А ведь на мне будут ещё дома снохи и свахи Марфы Андреевны, к собаке не ходи. И кстати, установили лимит: по одной лампочке и розетке на команду, одна лампочка на улицу. За этим будут строго следить. И это ещё повезло, что через нашу улицу вели линию, половина села пока так и останется без электричества.

Впереди всё лето, и планов хватает. Через месяц, как в Хранилище тонны четыре наберётся, в Сталинград съезжу, скорее всего, снова с сопровождающим. Много чего закупить нужно к зиме. А пока живём.

Три года спустя. Седьмое июня 1949 года.

Вечер. Село Андреевское

Войдя во двор, я поставил ведро с рыбой, закрыл за собой калитку, снова подхватил ведро за дужку и похромал к сараю. Мелкий дождь загнал всех по домам, да и сам я весь промок, но рыбалка в такую погоду просто чудо как хороша. Во дворе я слил содержимое ведра в пузатую бочку, в которой обычно держал пойманную рыбку.

Под навесом, где горела лампа, сидели мои, отмахиваясь от комаров, и пили чай из самовара. За столом, кроме Марфы Андреевны, были её свекровь баба Нюра, обе Анны и мелкая Нина, которой недавно исполнилось пять лет. Одной сестрицы нет, видать на свиданке, возраст подходящий. А Глафира уже два года как вышла замуж за комсомольца из стройотряда, из тех, что у нас школу строили. Сейчас они с мужем живут в райцентре, у них там дом, и недавно Глаша родила дочку.

Марфа Андреевна налила мне чаю в мою керамическую кружку, стоявшую среди других на подносе. Вприкуску с мёдом, довольно щурясь, я пил горячий напиток. После того как промокнешь под дождём это отличное дело.

- Пять? - спросила Марфа Андреевна.

- Весь табель в пятёрках, - подтвердил я.

Я закончил пятый класс, и сегодня был последний экзамен, так что, считай, перешёл в шестой. Вообще, я мог бы перескочить ещё на один класс, но решил не форсировать события, так как школьная жизнь мне неожиданно понравилась.

Однако сейчас мне предстоял серьёзный разговор, и пора было его начать.

- Мама Марфа, мне придётся уехать. На год.

- Это из-за председателя?

- Что? А, нет, плевать я на него хотел. Это из-за ноги. Военные врачи в московском госпитале начали лечить такие повреждения. Делают искусственный сустав по размеру. Приживляют, а дальше реабилитация. Уже двоим сделали. Я отправил письмо с просьбой принять меня и с описанием травмы. Ответили, что ждут меня. Сначала изучат, а там решат. Может, и не будут делать операцию. А поеду сам, я уже взрослый. Нужно только ваше согласие.

- Ты же знаешь, я желаю, чтобы у тебя всё было хорошо. Я не против.

- Спасибо.

- Когда уезжаешь?

- Через неделю.

Марфа со свекровью только вздохнули, слушавшие нас девчата тоже. Привыкли они ко мне. Да и наше подворье за три года стало вполне зажиточным.

А вот насчёт того, что я из-за председателя уезжаю, это она попала в точку. Невзлюбил председатель меня капитально: я один смело ему в глаза смотрел и спину не гнул. Председатель у нас был новый, прежний уехал на повышение в Сталинград, теперь в обкоме работает, курирует сельское хозяйство области. А прислали этого...

Даже слов нет сказать, насколько он мне неприятен как человек. С прежним председателем договориться было легко, понимающий был человек. А этот как год назад вступил в должность, первые полгода никого не трогал, всё по-прежнему было, присматривался. А потом нанёс удар.

Младший Трубин по статье уехал на Север на три года, старший с семьёй переехал в Москву, там устроился. Своих всех забрал, и семью младшего брата тоже, дома продали. Трубины в селе единственные владели личным

автомобилем, у них уже года два как был бежевый «Москвич»; вот за это новый председатель их и невзлюбил, кулаками называл.

В общем, начал он капитально закручивать гайки, многие от него взвыли. Нам тоже досталось.

Фильмы я уже больше не крутил, только летом и осенью сорок шестого показал десяток фильмов и несколько мультфильмов, всем очень понравилось. А потом кинотеатр в клубе заработал, и свой киномеханик появился.

В доме быта я работал хорошо, и претензий к моей работе не было, из деревень везли на починку всякое разное, а для машинного двора я перебирал автогенераторы. Однако новый председатель нашёл мастера, и в итоге Марфу Андреевну, под именем которой я работал, уволили. Да ещё удалили нас из очереди на мотоцикл, в которой мы уже год как стояли.

А мастер, молодой парень, хватился – инструментов нет. Потребовали вернуть. А как я отдам? Они личные, закупайте свои и используйте. Видоки подтвердили, что я своим инструментом работал, специально в Москву за ним ездил. Председатель потребовал хотя бы в аренду отдать. Тут уже я в клин вошёл – хрен ему.

Инструменты прибыли через три недели, и всё это время работа стояла. Да и новый мастер был не особо умелый, хотя постепенно, с приобретением опыта, косяков становилось всё меньше. А я продолжал чинить на дому, ко мне многие шли по старой памяти. У меня гарантия качества.

Председателю это не нравилось, вот он и крутился, желая найти, за что бы нас зацепить. И ведь нашёл, сволочь. Пришёл с участковым, понятыми, и взвесили уголь в нашем сарае, наши запасы. А там оказалось в четыре раза больше полученного от колхоза за этот год.

В принципе, объяснить наличие остального можно было, например, тем, что уголь мы купили, но требовалось предъявить чек, которого у меня, понятное дело, не было. Вот я и ляпнул, что собирал на дороге то, что высыпалось из телег. Все понимали, что мой ответ был не более чем иронией: можно собрать полведра, ведро, но не столько, сколько нашли у нас. В общем, поставили нам на вид, но до дела доводить не стали: участковый упёрся.

Тот же участковый потом шепнул мне тихо, чтобы я прекращал свои ремонты, потому что за это тоже зацепиться можно. Так что уже два месяца я не занимаюсь починкой, а только учусь, да вот на рыбалку хожу. Заодно речку почистил до самого Дона, да и на Дон ездил, находки продавал Трубиным.

Я подумывал пристрелить председателя по-тихому, но и самому подставляться не хотелось, и из села кого-либо подставлять. Вот и решил убрать раздражающий фактор – себя. Может, за год председатель и сам куда-нибудь денется?

А идея с лечением просто отличная, достало калекой быть. Я уже месяца три как начал формировать сустав, ещё столько же – и нога как новая будет. Буду привыкать ходить нормально на двух ногах. В общем, годик по Союзу попутешествую, отведу душеньку и вернусь обратно. Школу закончу – и в Москву, там устроюсь. Такие у меня были планы.

Хранилище у меня по-прежнему качается. На данный момент уже сто двадцать тонн с мелочью, заполнено на две трети. Техника та же самая. Я ею пользовался, но не так уж много накатал: на ГАЗ-51 полторы тысячи километров, на полторке – едва две, на автобусе – все три, по комфорту он лучше грузовиков. На амфибии всего километров триста: сохранял её, берёг. Мотоцикл-одиночку оставил, сейчас я уже мог ездить на нём, на Дон как раз на нём катался. БМВ ушёл Трубиным: всё честно, коровник отстроили до осени.

Что у меня появилось из новинок? Для начала мотоцикл, наш советский тяжёлый М-72 с коляской, новенький, сорок третьего года выпуска. В сорок третьем в том месте через Дон была развёрнута понтонная переправа, её разбомбили, и мотоцикл скользнул в воду, а я его достал. Он не сильно пострадал, я быстро вернул его в строй, даже пользовался иногда, километров сто накатал. Тяжёл он пока для меня.

Там же я нашёл танк. Причём это была «тридцатьчетвёрка», и что странно, на вид как новая, без повреждений, а изготовлена в 1941 году, июньская. В сорок третьем такие машины были редкостью. Думаю, она была потеряна при отступлении летом сорок второго. А что затонула там, где через год переправу развернут, было просто случайностью.

Надо сказать, танк меня заинтересовал, и вчера, в воскресенье, я его достал. На берегу я нашёл склад боеприпасов, явно батальонный, хорошо прикопанный, где были и снаряды для этой машины, и патроны. Я немного пополнил запасы и восстановил маскировку, там целина, и склад пока не обнаружили.

Но дело не в складе, меня интересовала сама машина. Это раритет, поди сыщи такие модели. Всё, что поднимают из рек и болот, сразу отправляют на переплавку, как будто стыдятся этих машин, которые внесли немалый вклад в нашу победу. А я сохраню. До сих пор я ею не занимался, только воду слил.

Я планировал, взяв время на лечение, устроиться дикарём на черноморском побережье. Хочу на море, а то за три года я только четыре раза в Сталинград съездил, и всё. Буду отдыхать, восстанавливать ногу и заниматься танком.

Но перед отдыхом и лечением я планировал посетить Москву. Дело в том, что гармонь я освоил на отлично, потом баян купил, и его освоил. Песни пел, в основном из будущего, они шли на ура. И вот несколько месяцев назад я вдруг услышал по радио одну из своих песен, и её автором назвали какого-то Леммана. Песня называлась «За тебя, Родина-мать». В селе эту песню просто обожали, я пел её на всех праздниках. И я знал, что автор написал её в двухтысячных. Значит, украли её у меня: за двести лет я привык считать её своей собственностью, тем более что настоящий её автор ещё не родился.

Это меня взбесило: не люблю воров, особенно тех, что воруют у меня. Вот и хочу навестить этого гадёныша. А уже потом отдых и лечение. Может, и за границу рвану, пока тут зима. Год есть, почему бы и нет? Думаю ещё.

Я допил вторую кружку чая с мёдом. Мёд был отличный, как я люблю, с сотами. Положив кусок жёваного воска на тарелку, я сказал:

– Пойду переоденусь да прикину планы на ближайшие дни, нужно многое сделать перед отъездом. Если повезёт и врачи за меня возьмутся, целый год меня не будет. Как вы тут без меня?

Меня многоголосо успокоили, что всё будет в порядке, они меня дождутся, хотя кто-то из девчат, конечно, всплакнул, не желая меня отпускать.

Пока я готовился к отъезду, председатель подложил очередную свинью, отказавшись меня отпускать. Запретил уезжать. Но тут на него едва ли не всё село поднялось, и он сразу сдал назад. Непонятно, откуда такие идиоты берутся? Только думаю, его не снимут: по колхозу и по посевной порядок, коровники заканчивают строить, скоро у колхоза будут свои ферма и маслобойня, а может, и сыроварня.

Как бы то ни было, я всё подготовил. Мы и так не бедствовали, а тут я ещё и свои личные запасы в погреб спустил, на год моим точно хватит. А свои запасы я пополню, пока в Москве буду.

Вечерами, когда темнело, я работал с танком. У меня аж руки чесались поскорее поставить его на ход и погонять. За три дня я успел сделать немало: извлёк боекомплект и аккумуляторы, просушил машину, почистил пулемёт, который был один, спаренный с пушкой. Снарядов в танке было всего пять штук, все бронебойные. Ствол чистил с помощью телекинеза. Убрал бронеплиту, занимался двигателем: он гидроудар получил, видать, на ходу в Дон влетел.

За неделю, если работать не спеша, я его полностью восстановлю. Запас дизтоплива есть, как и моторного масла для трансмиссии. Танк был командирский, с рацией. Краска почти везде цела, сохранились и красные звёзды. Номер машины – 52. Вещей в танке не было: видимо, танкисты, пустив машину в реку, забрали что могли, включая курсовой пулемёт. Впрочем, у меня в запасе были два ДТ, найденные на дне реки, один из них и поставлю. Очень хочу покататься по донской степи, может, и постреляю. А потом свалю побыстрее, пока за руку не прихватили.

Перед отъездом устроили прощальную гулянку. Все желали мне, чтобы врачи совершили чудо и исправили то, что натворила война. Просили писать почаще. Да, вот это проблема. Ну ничего, с письмами я что-нибудь придумаю.

До Сталинграда меня сопровождали старшая дочка Марфы Андреевны, ну и Кнопка для компании. Они посадили меня на поезд, который шёл из Сталинграда в Москву. Уф-ф, наконец-то. Правда, попросили соседей присмотреть за мной, что не радовало, ну да ладно. Моими соседями по купе были пожилая пара и молодая девушка с ребёнком. Я сначала думал, это её дочка, но оказалось, что младшая сестра.

Поезд был не скорый, шёл не спеша, стоял на полустанках и запасных путях. Но тем не менее вечером следующего дня, пятнадцатого июня, в среду, мы всё же прибыли на перрон Курского вокзала. Молодая соседка сошла раньше, со мной в купе оставалась пожилая пара. К сожалению, попутчики были твёрдо намерены передать меня с рук на руки встречающим из военного госпиталя. (Дело в том, что я подделал письмо-приглашение, якобы от военных врачей, прокатило легко.)

Я спустился на перрон, подал руку соседке, помогая ей спуститься, и принял вещи от её мужа. Поправил на плече ремень сумки, которая составляла весь мой багаж. Брать больше я категорически отказался, объяснив, что в госпитале буду на полном обеспечении, поэтому хватит того, что есть, а если что потребуется – закажу, деньги были. Гармонь я взял, но она находилась в Хранилище.

И вот когда мы двинулись к выходу, я сбежал. Здесь была плотная толпа, и я, сделав вид, что меня оттёрли, смог уйти в другой проход. Когда старики снова увидели меня, я уже сидел в отъезжающей пролётке и махал им рукой. Неловко было обманывать их, хорошие люди, но пришлось.

Пролётка была полная. Возница высаживал пассажиров, выдавая багаж, закреплённый на задке. Я сошёл третьим, на улице, которая понравилась мне тенистой аллеей из сосен. Сосны были редкостью, обычно сажали тополя, а они те ещё провокаторы аллергии.

Квартиру я решил не снимать: одинокий малец неизбежно вызовет вопросы. Я решил поискать квартиру, которая долго стоит без жильцов, и заселиться в неё. Мелькать у дома, где я нашёл квартиру шпионов, не хотелось: уверен, что за три года там побывали. Мало ли засада. Вряд ли, конечно, но лучше не рисковать.

Я подходил к дверям и Видением изучал квартиры. В первом подъезде свободных не было. А вот во втором одна из квартир на втором этаже, похоже, давно пустует. Мой вариант.

Замок вскрываемой двери щёлкнул едва слышно, не побеспокоив соседей. Я скользнул в прихожую. Квартира была двухкомнатная. Судя по книгам на полке, здесь проживала семья инженеров. А ещё я нашёл недописанное письмо, из которого узнал, что сейчас они находятся в командировке в Сталинграде. Нормально.

Я включил перекрытую воду, газ, принял душ, постелил на диване свежее бельё. Снаружи как раз начало темнеть, когда устроился спать. Завтра много дел, нужно отдохнуть, а то в поезде так нормально и не поспал. Да и этого пацака искать нужно. Ку на него нет.

Три дня я искал этого Леммана. Нашёл, но первая попытка встречи не увенчалась успехом: он был с друзьями, среди которых я узнал известного писателя Симонова. Гужбанили они до утра.

Я подыскал себе квартиру поблизости. Всё равно с прежней пришлось съезжать: там неожиданно объявились хозяева. Две ночи я там провёл, а на третью вернулся – Видение через дверь показало мне в прихожей женские туфли, которых раньше не было. Пришлось разворачиваться и уходить. Своих вещей на квартире я не держал, но то, что у них кто-то побывал, хозяева, конечно, заметили.

Часа два я потратил на то, чтобы найти новое место для жилья, в соседнем квартале: мало было пустых квартир. Я даже уже подумывал достать «газон» и переночевать в кабине, но это на крайний случай.

На четвёртый день я, наконец, увидел, что Лемман пришёл домой один. Пока он принимал душ, я прошёл в его квартиру и, изучив записи на рабочем столе, понял, что эта скотина ещё несколько песен у меня увела.

А вообще, я его вспомнил, память-то идеальная. Я видел его в нашем селе, он там, видимо, проездом был и побывал на одном из моих концертов. Значит, сам мои песни слышал и воровал их сознательно. Впрочем, даже если это не так, итог закономерен: отпускать его живым я и не подумаю, не для того сюда приехал. Кроме того, я прибрал все записи, включая черновики и те, что были в корзине для бумаг.

Лемман в халате, активно вытирая волосы полотенцем, вошёл в комнату. Увидев меня, он вздрогнул.

– О! – удивился он. – А ты откуда взялся?

– Приехал на поезде. Хотел взглянуть в глаза тому, кто у меня песни украл.

– А, то-то я смотрю, лицо знакомое. Не докажешь, парень. Я уже три зарегистрировал. Сперва проверил, не успел ли кто раньше, а потом и зарегистрировал в ВУОАП. Опоздавшим кости.

Он быстро выглянул в коридор, явно проверяя, один ли я, а когда вернулся в комнату, вздрогнул и как кролик на удава уставился на направленный в его сторону ствол нагана с глушителем.

– Ты же этого не сделаешь? – чуть хрипло спросил он.

Пуля вошла Лемману в лоб, и он, дёрнув головой, повалился на пол. Говорить с ним более я не желал. Я пришёл сюда для конкретного дела, и я его сделал.

Проходя мимо тела, я взглянул на него магическим взором и даже замер: сердце билось. Как так? Пуля же вошла в мозг, хотя и неглубоко. Выстрелив ещё дважды в сердце – теперь он гарантированно мёртв – я покинул квартиру.

Дверь я запер и отпечатков не оставил, но, выходя из подъезда, столкнулся с мужчиной в плаще. Я был без трости, старался без неё обходиться, хотя и хромал слегка. Мы разминулись, и мне показалось, что мужчина принюхался. Не порох ли сгоревший учуял? И вообще, чего это он в такую жару в плаще? Я вышел на улицу, а мужчина двинулся по лестнице вверх.

Когда я вернулся на квартиру, где жил, уже наступил вечер. Весь день я караулил этого хлыща, но теперь можно расслабиться. Сходил в душ, улёгся на кровати и, тихо слушая радио, размышлял.

В течение четырёх дней я всё своё время тратил на поиски этого Леммана. Теперь можно было закупиться и отправляться в путь, на юг. Кстати, в Хранилище у меня были дыни и арбузы, у нас на юге их выращивают, моя семья их и зимой ела. Что-то захотелось красной ягоды, вот и вспомнил. Но прикидывая свои шансы без проблем добраться до юга, я понимал, что они мизерны. Чёртов возраст.

Отбросив неприятные мысли, я сосредоточился на лечении, благо Источник был полный, и до полуночи наращивал сустав. Эта работа сложная и голодная. Через час я чувствовал себя так, как будто сутки не ел. Поэтому занимался с перерывами на медитации и приёмы пищи. Мне уже не терпелось закончить.

Утром, позавтракав, я покинул квартиру, уже навсегда. Прежде всего отправился на рынок, доехал на трамвае с двумя пересадками. На рынке я закупался до обеда. Кроме того, я и сам продал одному торговцу десять арбузов и пять дынь: а что, у меня их несколько тонн, а сейчас ещё не сезон, втридорога продать сможет. А он мне достал дефицитный товар, который я найти не мог, – четыре коробки туалетной бумаги. Вам, может быть, смешно, а тут это реальный дефицит.

Там же, на рынке я купил велосипед, это был В-14 в полной комплектации, с фарой спереди. Синий, с виду как новый, хотя прошлого года выпуска.

Я планировал, как стемнеет, отправиться в путь, на «газоне» поеду. А что, я не тороплюсь, когда хочу – останавливаюсь, когда хочу – продолжаю путь. Правда, ночами ехать придётся, но это не страшно.

Купив на рынке всё, что хотел, я решил посетить автобазу, на которой три года назад неплохо разжился топливом. Бочки до сих пор были при мне, только пустые. К счастью, база оказалась на месте, и поскольку был будний день, там шла работа.

А за забором станции – дым, пар, свистели гудками паровозы и стоял эшелон с грузовиками ГАЗ-63. Хочу. Грузовики бортовые, с крытыми кузовами, а машина вездеходная пригодится. Я как-то на полуторке застрял, когда в ливень от Дона ехал. Даже вспоминать не хочу, как выбирался, как ноги разъезжались, пока я на холм поднимался, где снова доставал машину и ехал дальше. А вот на этой наверняка бы проехал. Кажется, этот вездеход уже год как выпускают. Надеюсь, руку набили.

Что ж, ждём ночи, а потом можно будет покинуть столицу. Но до наступления темноты ещё далеко, нужно как-то переждать. Я решил поступить просто – найти очередную пустую квартиру.

Пока искал, заметил мороженицу. Мне там ловить было нечего, уже стояла большая очередь, в основном из детишек. Но я спросил у продавщицы, где делают мороженое, и выяснил, что на молокозаводе, там есть отдельный цех для мороженого.

Добравшись до молокозавода, я через вахтёра на проходной вызвал местного кладовщика (а он ушлым был, как раз то, что мне и нужно) и просто купил грузовик пломбира с морозильника. Аванс выдал сразу и сказал, что на соседней улице стоит полторка, к ней и нужно подъехать.

Через полчаса кладовщик подъехал точно на такой же полторке, они с водилой перекидали коробки из кузова в кузов, и я заплатил. И пусть в три раза больше реальной стоимости, ну и что: где я на юге мороженое найду? Кладовщик наверняка в кассу деньги внесёт, а что сверху, себе оставит. Но это его дело, а я сделкой остался доволен.

Когда они уехали, я забрался в кузов и постарался побыстрее отправить мороженое в Хранилище, тает же. После этого перегнал машину в тихое место и убрал её. Одно мороженое попробовал – мяка. Потом недалеко от станции я нашёл пустую квартиру и до самой темноты находился там: занимался ногой и даже вздремнул часа четыре.

Когда стемнело, я пошёл на дело. Эшелона на станции, к сожалению, уже не было, ушёл. Но зато я набрал десять тонн топлива плюс пять солярки. Тут же достал пятьдесят первый (у него кабина удобнее) и покатил по улочкам к выезду из Москвы. Не стоит думать, что я ориентируюсь здесь как коренной житель, нет, ехал по карте, купленной в киоске «Союзпечать».

Мне нужна была трасса на Киев. Я хотел начать с Одессы и проехать по побережью через Крым до Грузии. А как только восстановлю ногу, вернув ей полную подвижность, можно и за границу рвануть. Хороший план, как по мне. И что радовало больше всего, нагло сижу в кабине (рост уже позволял мне сидеть без подушки), а никто не обращает внимания: фонари горят, и что в кабине, не видно.

Добравшись до окраины, я проехал стационарный пост дорожной милиции, в котором горели окошки, и покинул столицу. Дорога была асфальтированная,

пусть и без разметки. Пристроившись за колонной грузовиков, шедших на пятидесяти километрах в час, я размышлял. А было о чём.

Знаете, хорошо мы прожили эти три года. Пережили страшные и голодные сорок шестой и сорок седьмой, а в сорок седьмом ещё и карточную систему. Впрочем, у нас в селе карточная система прошла незаметно, больше меновая торговля была: ты мне – я тебе. Поддерживали друг друга. Сорок восьмой был уже куда легче, а вот этот год уже хуже: новый председатель жизнь отравлял, многое запретил, да ещё и участкового обязал отслеживать нарушения. Люди крутились как могли, а он...

Колонна прошла километров сорок, после чего свернула. Как я понял, они везли стройматериалы: по всей стране стройки идут. Я продолжил путь один, продолжая идти на пятидесяти, быстрее не стоит, дорога незнакомая.

И знаете, шесть часов выдержал за рулём, а я, к слову, так долго ещё не сидел за баранкой, максимум три часа, и то тогда устал и долго массировал ногу – ныла. А тут, пользуясь темнотой, проехал несколько городов. Пару раз мне махали руками с обочины, явно желая проехать со мной автостопом, но по понятным причинам я остановиться не мог. Калугу я проехал, а вот до Брянска километров сто оставалось. Хватит на сегодня. Две ночи – и думаю, буду на месте.

Я съехал с трассы на просёлочную дорогу и встал на берегу водоёма. В стороне мигало огоньками какоето село или деревня. Заглушил хорошо потрудившийся мотор, проверил масло и, достав полную бочку бензина, сунул шланг в бак, который был почти пуст. Залив до полного, вытащил шланг и убрал и машину, и бочку в Хранилище.

После этого стал обустриваться для днёвки. Место не самое удобное, но в темноте поди что высмотри. В кустарнике почистил землю, прошёлся веником, расстелил кусок брезента, матрас, пару одеял и, искупавшись в озере, вскоре уснул. Но перед этим не забыл покушать. Ел яичницу с колбасой, редкое блюдо, между прочим, поэтому я его растягивал. В своё время наготовил впрок и убрал в Хранилище.

На следующий день, как только стемнело, я сразу двинулся в путь. Надеялся, что за эту ночь успею проскочить Киев и переночевать на другой стороне, а там

до Одессы недалеко.

Проехал километров двести, когда внезапно с боковой дороги выскочила какая-то тёмная масса, явно больше моего грузовика, и последовал страшный удар. Мой грузовик встал на два левых колеса и полетел под откос, где перевернулся на крышу. Помню ещё скрежет металла и хруст дерева, а потом меня вырубил.

Очнулся я, похоже, в больнице: характерный запах лекарственных средств, белый потолок. День, светло. Сознание плавало, но постепенно я приходил в себя и начинал осознавать, что произошло. Не сразу, но вспомнил, что была авария. Не знаю, что в меня врезалось, но я успел дать по газам, надеясь проскочить, поэтому удар пришёлся не в кабину, а в кузов. Почти успел.

Постепенно я начинал чувствовать тело. Болело почти всё, в том числе и голова. Вообще, это странно:

я не должен был сильно пострадать, ведь мне почти удалось удержать грузовик, когда он съехал с дороги. Перевернулся он мягко и лёг колёсами вверх. Кабина деревянная, ломается легко. Меня вырубил, когда я о стойку головой ударился.

Источник был полный, поэтому я запустил диагностику, продолжая размышлять. Что у меня с собой было? Да ничего, всё в Хранилище. Документов при мне нет, да их и не существовало, небольшая сумма в карманах, и всё. Грузовик тоже не опознать: номер двигателя я сменил, на раме номеров не было, а те, что нанесены на борта кузова, тоже от балды взяты.

В общем, могут сто лет искать, но к той машине, что пропала с платформы станции в Москве, никак не придут. Так что тут всё в порядке. «Газон» жалко, нравился он мне, привык. Ладно, добуду новый. Да и шестьдесят третий тоже.

А пока пора узнать, что там диагностика показывает. Хм, как ни странно, не пострадала только одна часть тела – правая нога. Даже синяков нет. В основном как раз синяки и нахватал. Из серьёзного перелом правой руки, как раз у кисти, уже гипс наложен. На спине у левой лопатки две рваные раны, причём от дерева (скорее всего, кабины), потому как раны плохо почистили и там ещё остались мелкие щепки.

Кроме того, сломан указательный палец на левой руке, и врачи, видимо, этого не обнаружили: палец опух, а не обработан, гипса нет. Ну и рана на голове, чуть выше виска, это я о стойку ударился. Рана не сказать что серьёзная: череп целый, только гематома да кожа чуть содрана. Рану обработали, наложили пластырь, и всё на этом. В общем, несерьёзные травмы для такой аварии, хотя, конечно, лучше было бы без них обойтись. Месяц буду всё это убирать.

Прислушиваясь к шумам в палате, я уже понял, что нахожусь тут не один. Я слышал дыхание двух человек: один дышал громко, с хрипами, перекрывая второго. Если бы второй время от времени не покашливал глухо, я мог бы его и вовсе не услышать.

Я лежал неподвижно, дыхание моё не изменилось, и я не показывал, что очнулся. Этого точно делать не стоит, потому что немедленно последуют расспросы. Оно мне надо? Как стемнеет, свалю, благо двигаться могу. Главное – забрать обувь, она у меня индивидуального пошива, и найти мастера не составит труда, особенно если милицию привлекут. А мастер готовые заказы отправлял мне почтой, так что село моё найдут без труда. А там председатель-говнюк. Нет, обувь, да и одежду, нужно найти и забрать, как и больничный лист, который на меня наверняка завели.

В этот момент я услышал за дверью многочисленные шаги и шум разговоров, на фоне которых особенно выделялся чей-то звонкий голос, но разобрать, о чём они говорят, я не смог. Дверь скрипнула, в палату начали входить, и, судя по всему, вошедших было немало. Все они собрались у моей кровати. Видение показало мне семерых, но, похоже, их было больше.

Беседа между тем продолжалась.

– Как видите, травмы, описанные мной, обработаны...

– Голубчик, – вмешался в разговор кто-то явно пожилой, – да у юноши палец сломан. Смотрите, как опух.

– Где? Действительно. Когда я перевязывал мальчика, опухоли не было, а снимок руки я не делал, в отличие от колена. Люда, приготовь гипс, наложим на кисть руки... Да, вот снимок ноги. Как видите, случай действительно уникальный. Похоже, ещё в утробе матери нога так до конца и не сформировалась. Видите,

коленный сустав частично сформировался, но прекратил рост. Правда, я не понимаю, почему на ноге столько старых шрамов, но случай интересный.

– Согласен, действительно любопытно. В моей практике я чего только ни видел, но подобный случай не припомню.

Врачи продолжали общаться, стоя возле моей койки. К пожилому пару раз обратились, назвав его профессором; видимо, врач, который мной занимался, обратился к нему за консультацией. Узнав, что они уже успели сделать снимок моей правой ноги, я расстроился: шустрые какие. В общем, ждём ночи и валим.

Потом меня тщательно осматривали, даже переворачивали. В вену воткнули иглу и подавали какие-то питательные вещества. На палец наложили гипс, он был влажный, но сох быстро.

Какой длинный день. Знаете, самый длинный день в моей жизни. Я всю спину отлежал, ужасно хотелось почесаться, но приходилось терпеть. Медитировал и лечил травмы, начав со сломанного пальца. Дня три – и будет как новый.

Так я дождался наступления темноты. И если один из соседей уснул сразу, оглашая палату храпом, то второй всё покашливал и никак не засыпал. Наконец, ближе к полуночи и он с присвистом засопел – уснул.

Я аккуратно сел, почесался, потом встал и хромя направился к двери. К слову, раньше, перед лечением я плохо чувствовал ногу, некоторые нервные окончания омертвели, да и сама щиколотка едва шевелилась. Сейчас с этим проблем не было.

Доковыляв до двери, я приоткрыл её и выглянул в коридор. Стол дежурной медсестры был пуст. Это хорошо. Я направился к процедурной, здание типовое, не заблудишься. К сожалению, процедурная была занята. Ну что ж, все мы люди, все мы человеки, вот и врач (этого я не знал) охотно пёр молоденькую медсестру. Я её запомнил, она заходила ко мне вечером, видимо, как смену приняла, градусник мне ставила.

Между прочим, пока консилиум врачей изучал меня, они о многом говорили, в том числе и о том, как я к ним попал. Меня нашли в обломках кабины перевернувшегося грузовика и посчитали, что водитель сбежал. Милиция его

уже ищет и выясняет, кто я такой.

А авария произошла из-за неисправности ручного тормоза. На соседней дороге шёл ремонт, и там на ночь оставили каток, а он вдруг и покатился под уклон, набирая скорость, к т-образному перекрёстку. Врезавшись в мой грузовик, каток, перевернувшись, также вылетел с дороги. Обе машины восстановлению не подлежат.

Я нашёл и вскрыл кладовку с вещами и нашёл Взором свою одежду и обувь. Оделся, надел обувь, достал трость и стал изучать служебные помещения. Нашёл и кабинет главврача. Оп-па, именно тут в сейфе я нашёл мой больничной лист, уже принявший вид пухлой папки.

Из здания я выбрался через окно, в коридоре к тому времени уже сидела медсестра. На ходу я жевал бутерброд с сыром, поскольку был очень голоден: я медитировал и лечился, а для этого знаете сколько материалов надо?

Покинув по пешеходной дорожке территорию больницы, я достал автобус и с некоторым трудом устроился на сиденье. Стартер работал, движок схватился с полпинка, и с трудом включив левой рукой вторую скорость, я стронулся с места и покатил прочь.

Хм, а высокие жилые здания на улице, куда я свернул, это случайно не Киев? Авария недалеко от него произошла. Правил я одной левой рукой, гипс на пальце мешал, но ничего, тремя пальцами руль удерживал и крутил, хотя нелегко мне это давалось. Одного бутерброда было мало, да и пить хотелось, и в туалет тоже. Побыстрее бы выбраться из города и устроиться где-нибудь на природе, а там я собой займусь.

В городе шла активная стройка, некоторые улицы были перекопаны траншеями, стояли знаки объездов, было тяжело разворачивать машину и объезжать. Я ещё случайно заехал в новый микрорайон, трясся по убитой дороге, но, наконец, добрался до окраины и дальше попылил по полевой дороге, не менее убитой. Приметив в стороне тёмную массу леса, я свернул на дорогу, ведущую в ту сторону.

* * *

Это действительно был Киев, из киевской городской больницы я сбежал месяц назад. Да, эта неожиданная авария на месяц выбила меня из строя. Я даже подумывал найти водилу катка и руки ему сломать, чтобы показать, как я недоволен плохим обслуживанием машины, но подумав, махнул рукой. Чёрт с ним.

Месяц я жил в лесу, дважды пришлось менять место жительства: мешали грибники и разные другие гуляки. К слову, я и сам неплохо так погулял по лесу, сделал запас грибов, белых и подберёзовиков. Почистил, обработал, хоть сейчас готовь. Немало блюд приготовил: и суп грибной, и с картошкой пожарил, но за месяц всё это съел, очень уж вкусно на костре получалось.

За месяц я полностью залечил все травмы, даже шрамов не осталось, повреждения оказались несложные. Синяки я вообще не трогал, за это время они сами сошли. Только подлечил травмы под кожей, чтобы в будущем не вылезли проблемами.

В общем, оставалась правая нога. Ею я тоже понемногу занимался, но до конца лечения ещё далеко, выращивание коленного сустава дело непростое. Одежда на мне новая, окровавленную я спалил; всё по лечению, включая снимки, тоже в костёр отправилось.

Припасов за этот месяц я потратил изрядно, поэтому ранним утром двадцать пятого июля я возвращался в город, планируя посетить колхозный рынок, чтобы пополнить запасы. Ещё только светало. До города я доехал на «газоне», а дальше пешочком.

Мышцы спины немного ныли, я их изрядно натрудил: попробуйте с прямыми ногами нагибаться за каждым грибом, а у меня два мешка накоплено, это не считая того, что ушло в готовку. Я слышал о золотой лихорадке, но чтобы грибная была? Я ощутил на себе все прелести поиска грибов. Да и скучно было, а магическое зрение показывало все, даже скрытые листвой, одно удовольствие искать. Вот по два часа каждый день и тратил. Только два дня, когда дождь шёл, в палатке лежал, собой занимался.

Приметив трамвайную остановку, я дошёл до неё, присел на лавочку, поставив трость между ног, и стал ожидать. Скоро должен пойти первый трамвай, на нём и доеду до рынка. Улицы пусты, время полпятого, а первые трамваи вроде в

шесть выходят.

Чтобы не терять времени, я занялся коленом. Сустав наполовину был уже сформирован, это и вызвало такой бешеный интерес у врачей. Я продолжал потихоньку его наращивать. Сорок минут потратил, дело это непростое, требует высокой концентрации. Всё из Источника ушло, а он полный был, так что помедитировал до полного.

Есть хотелось как не в себя, но это обычное дело после такой процедуры, так что достал два бутерброда и термос с чаем и перекусил. Чай был хорош, такой трудно найти, а тут ещё немного лимона добавлено да мёд. Этот чай привёз из Китая один советский дипломат, и я урвал кило за такую цену...

Вот уйду за границу (а планы я менять не собирался) – обязательно посету Китай, сделаю запасы не просто отличного чая, а лучшего. Хотя просто хорошего тоже возьму: буду дарить, угощать – дефицит же.

Я допил чай, а тут как раз и трамвай появился. К остановке люди подошли, один с мешками. Я спросил: «Не на рынок ли?» Он довольно кивнул: «На рынок». За ним пристроюсь, доведёт.

Особого внимания я не привлекал: чистый домашний мальчик, чёрные брюки, белая рубашка, жилетка расписная, тибетейка на голове да небольшой вещмешок, куда я термос убрал. Всё чистое и выглаженное. Оброс только, в планах парикмахерскую посетить. Мне ещё в больнице выбрили волосы в том месте, где рана была, за месяц там заметноросло, хотя на общем фоне как плешь выглядит. Я это место тибетейкой прикрыл. Да, можно было волосы пси-лечением нарастить, но зачем? Мне и без того было куда все силы тратить.

Я забрался в трамвай (причем мне даже помогли, посадили), и мы покатали в нужную сторону. Вообще, покидать Киев в ближайшее время я не планировал. Рынок и закупки – это понятно, но я ещё и потери возместить хотел – грузовик взять, да плюс ещё один, вездеходный. Здесь ведь большой транспортный узел, наверняка эшелоны с новенькой техникой часто мелькают. Понятно, что к боевой не подойдёшь, там часовые, а вот грузовики – почему бы и нет? Пока не добуду обе машины, город не покину.

А найти где устроиться несложно, вон месяц на природе отлично жил: для туалета ямку выкопал, купался в озере или речке – смотря где лагерь разбивал. Хорошо отдыхал и лечился. Если бы не лечение, то приятно было бы вспомнить. Когда восстановлюсь, хотелось бы повторить.

Оказалось, что до рынка нужно ехать с пересадкой. Когда мы добрались, я, хромая, не спеша двинулся за мешочником, который уже скрылся в открытых воротах рынка.

Народу, как ни странно, хватало. Я гулял по рядам: то тут куплю, то там. Десять кругов сделал и не только восполнил всё потраченное за прошедший месяц, но и ещё столько же докупил. Тут с машины лимонад продавали, вкусный, и я купил пять ящичков, не сразу: раз подойду десять бутылок возьму, потом ещё, так и набралось. Ещё меня заинтересовали два новых танковых шлемофона, оба купил.

Было два часа дня, когда я покинул территорию рынка. Зашёл в расположенную рядом столовую, взял тарелку лапши с курицей по-домашнему, гречку с гуляшом на второе, два куска хлеба и компот. Всё оказалось неплохо приготовлено.

Поев, я направился дальше. Пришлось поискать здание дома быта, новое, как оказалось, только в прошлом году ввели в строй. Там я занял очередь к мужскому мастеру и, дождавшись, сел в кресло. Мне сделали полубокс, нормальная стрижка, мне идёт. Попросил помыть голову, но оказалось, что такой услуги в мужском зале нет, только в женском. Странно.

Выйдя из здания дома быта, я отряхнул голову, надел тюбетейку и направился к трамвайной остановке. (Кстати, я не один имел такой головной убор, у некоторых мальчишек и даже у одной девочки были похожие.) Теперь на станцию, на разведку. Ожидающие трамвая люди объяснили мне, как доехать, я дождался нужного трамвая и добрался до места.

Разведка показала, что это я удачно зашёл: на станции на платформах стояли грузовики, а именно ГАЗ-63, причём не все бортовые, четыре имели КУНГ. А не ремонтные ли это летучки? Вон кран-балки на корме. Если это так, и они комплектные, то это я очень удачно зашёл. Минус был один – этот эшелон стоял рядом с другим, на котором стояла техника под чехлами, но по силуэтам было понятно, что это танки. А там часовые. Но упустить свой эшелон я не желал, а то

так вернёшься – и нет нужного. У меня такое уже было.

Увидев танки, я вспомнил о своём. Я ведь последние три дня перед выходом в город только им и занимался. Даже немного покатался на нём по лесной дороге. Он теперь на ходу, полностью комплектный, весь боекомплект на месте. Знаете, мощца, так понравилось за рычагами сидеть. Надо чуть позже ещё погонять.

А на платформах явно Т-34-85, по силуэтам ясно. Основной боевой танк Советской армии. Но я своего гадкого утёнка на лебедя менять не буду. У меня раритет, а эту массовую машину где только ни увидишь, включая памятники.

Место для наблюдения я нашёл отличное, верх кирпичной водонапорной башни: тут и прохладно, и сыро. Хотел было на чердак ближайшего двухэтажного дома сунуться, но там такая духота, что никто долго не выдержит.

Где-то в шесть вечера ушёл эшелон с танками, а через час начали цеплять паровоз и к тому, что я присмотрел. Вот чёрт, уйдёт ведь. Пока я спускался вниз по лестнице и торопился к станции, паровоз прицепили. Но эшелон пока стоял, видать ждали отмашку, чтобы начать движение.

Забора тут не было, вход на территорию свободный. Перебравшись понизу через товарный состав и второй, с топливом в цистернах, я добрался до нужного мне эшелона. Пропустив обходчика, я появился за его спиной и с помощью телекинеза взлетел на платформу и спрятался в кузове бортовой машины. Нормально, успел.

Раздался окрик: кто-то всё-таки засёк меня. Но тут состав, дёрнувшись и лязгнув сцеплениями, начал движение. Как только стемнеет, буду брать машину, а пока займусь тем же, чем занимался, пока наблюдал за эшелонном, – коленом, понятное дело. Отращивал, восполнял потраченный материал, медитировал и снова отращивал, и так пока не стемнело.

Покинув кузов, я огляделся. Вокруг поля, огоньки населённых пунктов. Тюбетейку я снял, сдует ещё. Ветер трепал одежду. Держась за машины, я дошёл до края платформы и перепрыгнул на другую. Упал плашмя, но ничего, поднялся, отряхнулся и двинулся дальше. Ещё две платформы, и вот нужная.

Это просто чудо. Изучив содержимое кунга и поняв, что не ошибся, это ремонтные летучки и есть, я едва не пустился в пляс. Внутри всё полностью комплектно, над входом (а он с кормы) кран-балка, не показалось. Сейчас она к борту прижата и закреплена. Думаю, тонну легко потянет. Внутри слесарный стол, тиски малые и большие, два малых станка, полный комплект инструментов, ящик с ЗИП, электрощит, даже аптечка. Ну и бензогенератор на четыре ватт, питает не только оборудование мастерской, но и что угодно ещё при необходимости. Питается генератор от бака грузовика.

А вот сама машина мне не понравилась: сборка ужасная. Знаете, есть такие комсомольские выпуски машин, где давай-давай, сверхпланово. Видимо, такой сверхплановой машина и была. Не уверен, что она сама заехала на платформу, могли и краном поставить. Некоторые болты, судя по следам, были банально забиты молотком. Прошёл к следующей, но и та была такой же сборки.

Пришлось прыгать на следующую платформу. Вот тут обе машины были нормальной сборки, и я стал выбирать ту, что лучше. К слову, замков на дверях не было, бумажками с печатями заклеили, а так – заходи кто хочет. В общем, выбрал я ту машину, что первой стояла, её и забрал. Что-то изымать из других не стал: хотя сейчас везде поголовный дефицит, но вот в данном случае мне это просто не нужно, за границей добуду. Да и машины в армию идут. Ладно, одну машину спишут, а потерянные инструменты где брать будут? В общем, не хочу.

Так, одна машина есть. Ключи для замка делать не придётся, как с другими бывало: тут они торчали в замке зажигания. Вот только гонять по полям и грязи на мастерской я не хочу, вездеход нужен. Поэтому я решил брать бортовую, а мастерская будет в качестве бонуса за аварию.

Перепрыгнув на следующую платформу, я подобрал хорошую модель. Жаль, но все бортовые ГАЗ-63 были без тентов, хотя борта высокие. Скамейки здесь опускались – интересная конструкция. Забрал и эту машину, она с лебёдкой была.

Пора было покинуть эшелон. Он шёл куда-то к западной границе, в сторону Житомира, а мне нужно в другую сторону. Прыгать не мой вариант, но пришлось. Эшелон как раз сбросил скорость: подозреваю, что он как раз в Житомир въезжал, так как впереди виднелось море огней. Воспользовавшись этим, я спрыгнул со сцепки и покатился по траве.

Уф, повезло, обошлось без травм, синяки не в счёт. Эх, жаль, пятьдесят первый не добыл, на трассе он неплох, кабина удобная. Есть полуторка и автобус, но это не то. А оба шестьдесят третьих на трассе использовать не хочу, они для бездорожья. Ладно, карта автодорог у меня есть, тут прямая трасса до Винницы, а там поверну к дороге на Одессу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/poselyagin_vladimir/reshala

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)